

18+

Хельга Лайс



Клон по имени
СИМОН

Хельга Лайс

Клон по имени Симон

«Издательские решения»

Лайс Х.

Клон по имени Симон / Х. Лайс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960824-6

Конец XXI века. Лиза теряет своего возлюбленного из-за смертельной болезни. Она решается на отчаянный шаг, несмотря на сопротивление умирающего: она принимает участие в лотерее, где разыгрывается единственное за год клонирование.

ISBN 978-5-44-960824-6

© Лайс Х.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	44
Часть 2	49
Глава 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Клон по имени Симон

Хельга Лайс

© Хельга Лайс, 2019

ISBN 978-5-4496-0824-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Далёкое и в то же время не так уж будущее – всего лишь девяностые годы 21 века. Нельзя сказать о них, что они изобилуют теми особенностями, которые до недавнего времени были свойственны каждому предыдущему десятилетию. Мир нынче, несмотря на стремительный темп развития всего и вся, производил впечатление застывшего во временном тупике, где одновременно происходит всё и ничего.

Представленным миром правят самые продвинутые технологии: мало у кого нет навоченных гаджетов; только самые ярые аскеты и консерваторы противились массовому внедрению умной техники. Но их процент неуклонно падал, и поэтому встретиться с ними было равносильно тому, чтобы увидеть живую тиранозавра.

Телефоны превратились в ушные затычки, если дело касается разговоров или музыки. Если возникала потребность в развлечениях вроде игр или просмотра видеозаписей, то нужно было доставать складной, как лист бумаги, экран, соединяющий с затычкой для синхронизации. Были попытки внедрить технологию просмотра контента на участке тела, но спрос не оправдал надежд.

Телевизоры и компьютеры почти что повторили судьбу смартфонов, если брать во внимание значительные перемены. Никаких громоздких экранов с клавишами. Достаточно было иметь пульт, складной лист, похожего на чёрный лист. Телевизор примагничивался к стене и казался картиной в режиме сна. С компьютерами выбор расширялся размерами листа, отталкиваясь от возложенных на него задач. И одинаково к ним прилагалась клавиатура с цифровыми кнопками. Если нужен был ноутбук, то клавиши к нему цеплялись при необходимости, но многим достаточно было обладать просто планшетом и набирать текст на экране.

Умные колонки, плиты, стиральные машинки и прочее – стояли в каждой квартире и выполняли всю работу за человека. Некоторые не удерживались о шуток: «Как ещё человечество не умерло от безделья». Даже машины, и те не нуждались в управлении человеком. Им задавался маршрут, которого они почти всегда безукоризненно придерживались. Общественный транспорт тоже не нуждался в людях за рулём. Процент авто- и авиакатастроф упал до исторического минимума.

Электричество, – а оно было самым главным ресурсом, – производилось за счёт солнечных батарей, хоть и не в полном объёме. Поскольку участились землетрясения, то от атомных станций пришлось отказаться, но остальные способы получения электроэнергии тоже сходят на нет.

Что касается людей, то они смело меняют части тела на себе – на металлические или новые из плоти, рождённые в условиях лаборатории; для этого не требовалось быть инвалидом, так как мода на киборгов шла своим ходом.

Средняя продолжительность жизни с начала уходящего века увеличилась в полтора раза. Люди, чей возраст достигал 70 и больше лет, выглядели гораздо моложе своего возраста, не говоря уже о предшественниках. Благодарить за это стоило генную инженерию, которая сумела победить процесс старения, казавшего когда-то необратимым. Правда, хватало и тех, кто поддавался влиянию времени, как предки, но таковых становилось всё меньше. Так что никто не мог с ходу сказать, кому сколько исполнилось. Теперь цифра в паспорте не имела значения. Да и паспорта представляли собой крошечный чип, вшитый под кожу в районе кисти, и сканировался при необходимости.

Улицы, помимо упомянутых киборгов, заполнили роботы, до безумия похожи на своих создателей, то есть на людей. Они разговаривали и занимались разными делами не хуже представителей биосферы. Их смело заводили для выполнения рутинной работы, хотя некоторые

видели в них спутников по жизни. Каждый второй житель обладал хотя бы роботом в виде собаки.

Инвалиды, некогда мечтавшие о самостоятельном передвижении, смогли обрести свободу действий при помощи экзоскелетов или обладания новыми органами. Слепые прозревали, глухие обретали слух, немые – речь. Не оставались побеждёнными только душевные болезни и прирождённое слабоумие. Однако учёные рьяно работали в этом направлении, будучи освобождёнными от борьбы с множеством заболеваний и патологий. Чего стоили ювелирные операции по удалению лишней хромосомы в утробе матери, однако до полной идиллии оставалась длинная дистанция.

Продвинутое и свободное от стереотипов человечество с удовольствием принимало технические и медицинские достижения.

Но хватало и огорчений, которые волновали каждого живущего. Рождаемость приостановилась посредством Государственного моратория. Причиной тому послужила неумный демографический рост. Людей становилось всё больше, а места и ресурсов – наоборот. Поэтому средняя продолжительность жизни стремилась к отметке 110 лет – цифра внушительная каких-то пятьдесят лет назад. Детских криков доводилось слышать реже, однако слишком малое количество людей противилось данной ситуации. Добровольная временная стерилизация со стороны родителей при рождении ребёнка – обычное дело, которое воспринималось как нормальное и мера во имя процветания цивилизации. Правда, у новоиспечённых отцов и матерей не оставалось другого выбора, ведь им давалось разрешение на то, чтобы иметь собственного отпрыска при условии, что те примут превентивные меры.

Что касается Государств, то их осталось совсем немного – чаша океана имела свойство переполняться, из-за чего многие прибрежные города остались в анналах истории, а островные – и сейчас теряют каждый метр за метром. Многими годами раньше правители ведущих стран, понимая, что никто не в силах бороться со сложившейся ситуацией, объединились в союзы, нынче называемыми Государствами. Они носили название континента: Евразийское, Африканское и так далее. Определённого контура при возникновении Государства на границе никто не придерживался: исходили лишь из того, чтобы прибрежная линия океана была не ближе, чем на 20 километров.

Каждый континент уплотнялся изнутри, хотя исходя из различий в культуре и менталитете, больше везло северной Америке и Австралии, так как они и были единым Государством на целой территории. Это если не брать во внимание Канады, располагавшую на северной части. Вот США с Канадой и объединились, после чего оставшиеся канадские земли были объявлены очередным штатом США. Естественно, Африка и Южная Америка не сильно пострадали от объединения. На выходе, только Евразия олицетворяла собой пороховую бочку, где смешались разнообразные религиозные и культурные течения, взгляды на гендерные роли, а также даже расы. Только страх перед стихиями обуздали настолько разное общество, вынужденного ютиться в стенах Евразийского Государства.

Исходя из географических и климатических условий, Центром некоторых объединений могли быть пустынные земли, так как они считались наиболее безопасными: уж их не скоро затопит, и то в последнюю очередь. На их территориях и возвели города, мало напоминавшие тех, что относились к классическому пониманию: везде узкие улицы, сплошные высотки без архитектурных изысков, минимум парков и водоёмов, никаких заброшенных земель. Да и город служил больше синонимом к слову «Государство», так как отпала необходимость в отдельных городах. Однако штаты упрямо настаивали на сохранении городов и деревень, но их сохранившаяся целостность позволяла держаться за установившийся расклад

Самые дальние от центра города дома выстраивались цельными, взяв в качестве примера почивший к тому времени Колизей в Риме. Только поближе к центральной части шли привычные кварталы, где жили самые выдающиеся и богатые представители населения.

Переход между улицами и проспектами осуществлялся посредством высокоскоростного транспорта; как общественного, в большинстве своём -подземного, так и частного. Улицы больше напоминали холлы под открытым небом. Сверху, где кончались высотки (высота их достигла и по 100 этажей), изредка проглядывалось солнце, однако воздух стоял густой и горячий. Днём люди спасались от жары благодаря новой изобретённой системе охлаждения, встроенной в подножные бетонные блоки. Они заменяли асфальт, и люди ступали по ним; сквозь небольшие дырки подавался холодный воздух. Да и дороги представляли собой то же самое.

Если же дело касалось северной части суши, где проживали в основном, славяне, скандинавы и представители монголоидной расы, то там города не сильно отличались от тех, которые располагались в пустынях. Разве что вместо охлаждения люди наслаждались горячей вентиляцией, которая помогала избавляться народу от гололёдов и залежавшегося снега.

Население тех Государств представляло собой большие обособленные группы. Англосаксы, семиты, славяне и другие объединялись по национальным ячейкам, нежели по языковым, потому что тому не было надобности. Государственные языки давно отменили во имя мирного сосуществования на одной замкнутой территории. Любая речь синхронно переводилась при помощи вшитых за ухом мелких чипов. Поэтому никакого языкового барьера: он побеждён. Да и многие языки мелких народов упорно продолжали умирать, уступая самым распространенным. Ещё чуть-чуть и на земле останется два-три языка, если Природа не надумает взбунтоваться посильнее.

Хватало и тех смельчаков, которые не спешили заселяться в внутри Государств. Они жили возле самых берегов водоёмов, которые с каждым годом всё наглее отвоёвывали кусочек драгоценной суши. Ничто здесь не строилось с целью «на века». Дома из фанеры, личные вещи копеечной стоимости, не самая лучшая медицина, почти анархический строй. Звучало достаточно ужасно, но вопреки прогнозам, города вне Государств не мелькали в криминальных хрониках или по каким-то трагическим случаям. Население имело достаточно финансов, чтобы жить в лучших условиях. Никто не был здесь бандитом или бомжом: у всех всё было в рамках необходимого. Сюда стремились творческие или свободные душой люди, гражданство здесь было только одно: «Гражданин мира». Главная философия каждого сводилась к одному девизу: «Зачем иметь то, что может завтра утонуть в океане?». Всё здесь дышало свободой и одновременно обостренным чувством жизни.

В магазинах, барах, кинотеатрах и прочих нужных местах здесь не было недостатка. Однако за серьёзным обучением или медициной требовалось ступать на территории Государств. Те охотно принимали чужаков, потому что те вносили свои финансы в казну. И так на каждом континенте. Из Государства тоже выезжали на прибрежные города. Главная цель была в том, чтобы испытать острые ощущения, снимая дома у самого океана. Да и видеть собственными глазами океан – не равно тому, чтобы плавать в бассейне на крыше в окружении незнакомых соседей.

Войны за территорию и ресурсы ушли в прошлое. Никто не нуждался: у каждого водилось столько денег, сколько требовалось. Солнечные батареи давали достаточно энергии, чтобы обеспечивать население электричеством, которое окончательно выбило пальму первенства у других источников вроде нефти. Проблему дефицита пресной воды решалась при помощи фильтрации океанской воды. Пища хоть и выращивалась на редких фермах, которые располагались в отдельных высотках, однако народ больше питался той, что печаталась на конвейерных фабриках. Овощи, мясо, рыба – всё было доступно каждому. Промышленность давно превзошла свои возможности, даруя миру освобождение от пищевого дефицита. Одежда, книги, предметы обихода – рождались тем же образом. Дешёвая рабочая сила сменилась возрастающей армией роботов, делающих за людей работу в пять раз быстрее. Поэтому всякому, чтобы зарабатывать, требовалось действительно чему-то учиться.

Дарованные блага обеспечивали низкую стоимость на товары и услуги, и теперь даже самые бедные слои не могли всё потратить сполна. Хотя и бедными их нельзя назвать: они имели меньшие суммы относительно среднего класса, но и их хватало с избытком.

За предоставленные услуги и товары все рассчитывались при помощи вшитого паспорта, на счёту которого числились имеющиеся доходы¹. Никто не имел понятия, каково держать наличные в руках. Деньги являли собой цифровые единицы, которые не надо было печатать, что делало их ещё более доступными. Большую ценность имели драгоценности как последний пережиток из прошлого. Проще говоря, нищета исчезла, хотя ещё оставалась иерархия из самых богатых людей.

И наконец, внеземная жизнь. Прогресс в этом плане не так блистателен, как на Земле, но энтузиасты продолжали запускать ракеты. Но ракеты не в обычном понимании: они представляли собой корабль, в котором располагались квартиры, магазины, салоны, клубы – проще говоря, мини-города. Они запускались в космос, когда набиралось достаточное количество туристов. И они проводили в космосе по три-четыре месяца. И так, запуская по одной ракете в неделю, люди получали возможность пожить вдали от земной жизни, которая уже не радовала наличием хоть какой-то стабильности.

Освоение других планет всё ещё оставалась мало выполнимой задачей. Однако сейчас строился некий бункер на Марсе. Его строительство представляло довольно сложный процесс, умноженный на скорость полёта, едва ли ускорившего за весь период существования космической отрасли. Если верить самым смелым прогнозам учёных, то начало 22 века люди всё же смогут встретить на Красной планете.

¹ Швеция стала первой страной, где началось вживление чипов с целью оплаты разных услуг

Часть 1

Глава 1

Вот в таких интересных временах происходит эта история трагичной любви.

Вольный прибрежный городок где-то районе бывшей Турции жадно утопал в лучах заходящего солнца. В домах постепенно зажигались лампы, люди собирались на ужин, где-то на тихоокеанской воде пересекали волны катера... Шум моторов перемешивался с гулом человеческих голосов, музыкой и собачьим лаем. Ничем не примечательный вечер для места, где круглый год царило если не вечное лето, то близко к нему. Здесь жили для того, чтобы получить от жизни исключительно удовольствие, даже если для этого придётся жить с перспективой попасть под большую воду.

На чистом пляжном побережье сновали редкие блуждающие. Одними из них была одна обычная пара, чьи эмоции и слова приковывают внимание к их скромным персонам.

Она – девушка, едва ли перешагнувшая двадцатилетний порог. Любой кто видел её, мог бы задохнуться от неудержимого восхищения, возникающего само по себе. Её внешность идеально воплощала идеалы прерафаэлитов². Рыжие кудрявые волосы распластались по всей спине, достигая её конца. Из-под редковатых бровей, но красивой изогнутой формы, выделялись ясной зеленью большие ясные глаза. Нежная кожа розоватого цвета, едва тронутая загаром, покрывалась целой россыпью из веснушек. Длинный, но аккуратный тонкий нос; пухлые чувственные губы; овальное лицо со слабо выраженными скулами; длинная изящная шея; чересчур стройная статя, производившая впечатление пугающей хрупкости. Не иначе как фарфоровая куколка. Только рост служит ей недостатком: она была настолько низкой, что редко кто из взрослых попадался ниже её, даже среди девушек. Однако обладательницу яркой внешности мало заботило, сколько в ней сантиметров в высоту. Она даже считала данный природой рост своим неоспоримым преимуществом. Так что у неё не было никаких причин смотреть на себя с отвращением; чего она и не делала.

Рядом с ней стоял, опираясь о бетонный столб с маленькой будкой, мужчина, чей возраст был около четвёртого десятка. В левом ухе была серьга в виде небольшого кольца. Его всё ещё пышную тёмную шевелюру уже постепенно завоёвывала благородная седина. На вытянутом лице с чётко выраженным подбородком всё было бы безупречным, если бы не неизгладимая носогубная морщинка с левой стороны. Он иногда шутил, что сама Марианская впадина не в состоянии посоревноваться глубиной с его складкой. Сквозь белую облегающую футболку просматривались очертания сильных мускулов. Снизу на нём красовались начищенные тёмные туфли и синие джинсы, подчёркивающие ровность и достаточную длину ног. И всё же, складывалось впечатление, что с ним не всё ладно, как кажется на первый взгляд.

Океан вдалеке окрашивался в яркий оранжевый цвет из-за неумолимо опускающегося солнца. Порывистый ветер бросал небольшие волны на песчаный берег, словно пытаясь отбить его. Чайки летали у берега, крича о чём-то на своём языке.

Складывалось впечатление, что девушка наблюдала за закатом, поскольку она стояла спиной к мужчине в нескольких шагах. Тот же нервно ёрзал на месте, пытаясь что-то сказать, и всё не решался на это. Только после того между ними прошла светловолосая девочка лет десяти с собакой породы такса, бросая недоуменные взгляды на пару, он наконец заговорил:

² Прерафаэлиты – английские художники и писатели, опиравшиеся в своем творчестве на искусство раннего Возрождения – до Рафаэля. Братство прерафаэлитов (Pre-Raphaelite Brotherhood – Прерафаэлитское братство) было основано в 1848 в Лондоне и просуществовало до 1853

– Не горюй, словно я уже умер. – Его голос выражал беспечность, хотя это стоило немалых усилий. Никому он не пожелал бы такого пережить на собственной шкуре. Что может быть неприятнее быть причиной грусти любимого человека?

Она резко обернулась и бросила на него взгляд, полный тоски и нежелания принимать жестокий вызов судьбы. Нижняя губа слегка дрожала, хотя глаза оставались сухими.

– Но умрёшь же...

– Лиза, ты бежишь впереди паровоза. Давай жить сегодняшним днём. Вон какой закат, давно такого не видел!

И тут её словно прорвало, как плотину во время бушующего ливня. Поились слезы по бледным щекам. Мужчина подошёл и обнял её. Поскольку он был на полторы головы выше девушки, то она зарылась прекрасным лицом прямоком в его мощную грудь, и теперь лишь нервно дёргающие узкие плечи выдавали выпешедшие из-под её контроля чувства.

– Как я буду без тебя, Симон? За что такая несправедливость?

– Жила же как-то до нашей встречи. Ты молода, найдёшь парня получше. А мне на том свете вряд ли будет не всё равно...

Лиза подняла своё зарёванное лицо, на котором чётко выделялись огромные глаза, выражая непосильную борьбу с душевным ударом. Подобные утешения приравнялись к кощунству. Из горла вырвался стон, словно её пронзили тупым кинжалом.

– Как ты можешь такое говорить? Речь идёт о твоей жизни, которая вот-вот оборвётся, но ты как будто не замечаешь этого! Неужели ты всерьёз?

Он улыбнулся, но синие глаза оставались вне притворства в хорошую мину при плохой игре. От такого контраста становилось только хуже.

– Последний год с тобой – самое лучшее, что было в моей жизни. Но надо жить и дальше, а не зарываться носом в могилу прежде отведённого часа.

Лиза не могла поверить в то, что говорит человек, подаривший ей столько счастливых мгновений. Неужели ему невдомёк, что ей больно слышать все эти высокопарные слова? И как может умирающий выдавать подобную речь? Или он сошёл с ума?

Вблизи в кафе включили музыку, доходившую до самого пляжа. Весёлые мотивы слишком дисгармонизировали с настроением Лизы и Симона. Она утёрла ладонями покрасневшее лицо. Находиться здесь ей стало невыносимо. Это место теперь навеки омрачено.

– Отвези меня домой, пожалуйста!

Симон ничего не ответил, но нежно провёл широкой ладонью по мокрой щеке, словно завершая попытки девушки уничтожить следы слёз. Лиза коснулась его руки и прижала сильнее к пылающей коже. Солнце уже скрылось за горизонтом, и народ массово ринулся на берег с целью зажечь костер в честь чьего-то дня рождения. Того оказалось достаточно, чтобы Симон с Лизой, не сговариваясь, покинули пляж.

Никто не заметил, как заурчал мотор завожасьей машины. Никому не было до них дела.

Глава 2

Небо ещё не покрылось глубокой синевой, но луна маячила уже всю своим полным силуэтом, как они приехали к одному из многоэтажных зданий на отдалённой части города: там их было в самом избытке, и только там. Так как растущее население, не желающее влачить своё вольное существование в рамках Государства, чьи границы состояли из бетонных заборов высотой в три метра, где-то должно было жить, а суши становилось всё меньше. Чем дальше от океана – тем больше этажей обретали здания.

Лиза, как всегда, потянулась к Симону, чтобы поцеловать. Затем прервав краткий поцелуй в губы, выскочила из машины, но не спешила скрыться в глубине безликого небоскрёба, окна которого освещались в хаотичном порядке. Она смотрела на водителя словно старалась запомнить его можно яснее. Все те минуты, проведённые с ним, теперь становились ничем. Симон в ночном свете казался ей таким прекрасным и таким далёким. На фоне ужасной новости сложно было поверить, что его дни – сочтены.

Он скорчил смешливую гримасу, не любивший изучающий взгляд даже от Лизы. Это будило в нём смущение.

– Лиза, прекрати сейчас же. Ещё просверлишь на мне дырку.

И он заулыбался так широко, что вокруг небесных глаз собрались морщинки. Симон не так чтобы редко радовал мир демонстрацией приподнятого настроения, но всегда вызывал желание ответить ему тем же. Его улыбка всегда была отражением внутренней чистоты, из-за чего нельзя было называть её обыкновенным дежурным оскалом. Только близкие могли видеть Симона улыбающимся, для остальных он сохранял маску непроницаемости, неизменно ставившая в тупик. Неудивительно, что Лиза на секунду забыла о плохом и заулыбалась в ответ.

– Пока.

Симон подмигнул ей и тронулся в путь к себе домой, который находился в пяти кварталах отсюда.

Лиза постояла ещё немного, пока машина совсем не скрылась из виду за углом одного из многочисленных зданий. Ей совершенно не хотелось идти домой, где предстоит переживать потрясение в одиночку. Вряд ли она сможет чем-то заняться, чтобы не заикливаться на безнадежном диагнозе Симона. Но и лежать – откровенно худший вариант: у неё зародились сомнения, что этой ночью её глаза сомкнутся. А если ей удастся заснуть, то не приснится ли пророческий дурной сон? Однако когда ночь окончательно вступила в своё правление, она продрогшая, несмотря на летнюю жару в самом разгаре, таки сдвинулась с места.

Дома Лиза, оказавшись среди родных стен, тут же позвонила самой близкой подруге, с которой она дружила больше десяти лет, с просьбой срочно приехать. Та, услышав о смертельном заболевании Симона и дрожащие нотки в голосе, не стала отнекиваться и пообещала сейчас же примчаться, напоследок приказав держать себя в руках и не совершать глупостей.

Пока шло время томительного ожидания, Лиза с грустью осматривала свою квартиру, где она жила после скандального отъезда из отчего дома после достижения совершеннолетия и получения первой крупной части от бабушкиного наследства.

Симон здесь бывал нечасто, но метко. Каждый уголок в двух комнатах (гостиная и спальня), кухне, санузле и коридоре хранил в себе его прикосновения. Некогда любимая спальня с огромным окном с видом на редкий в городе парк, за которым следовали очередные небоскрёбы, производила на неё гнетущее впечатление. Лиза всегда любила тёмные тона, и поэтому шторы, покрывало, ковёр, даже мебель не баловали нежными пастельными или яркими цветами. Она внезапно начала словно задыхаться, настолько окружающая обстановка и мысли о Симоне давили на неё.

Лиза рухнула на диван в гостиной, положив голову на согнутые колени. В такой позе ей довелось сидеть до долгожданного звонка по домофону.

Ждать подругу и в самом деле пришлось недолго, и через пятнадцать минут она стояла у двери квартиры с бутылкой красного вина. Подруга жила в паре кварталов отсюда, так что они постоянно проводили друг с другом свободное от учёбы время.

– Лиза, как ты? – вопрос хоть и глупый, но подруга об этом совершенно не думала, с грустью глядя на Лизу, которая будто вот-вот упадёт в обморок. Потерявшее краски лицо, блуждающий взгляд, трясущиеся руки – никогда та не видела её в таком состоянии.

– Ужасно, Саша. Врачи сказали, что никаких надежд не стоит возлагать. Ему осталось всего немного. – Ответ прозвучал так, словно его выбили долгой пыткой «испанским сапогом»³. Девушка едва не скользила по косяку, не в силах переносить горе на ногах. Упасть, кричать, рыдать – всё, что ей хотелось.

Лицо подруги исказилось гримасой сочувствия. Она, как будущий врач, как никто понимала, что не в манере докторов бросаться ложными диагнозами и прогнозами, несущие угрозы для жизни. Не выпуская бутылки, она бросилась обнимать обмякшую Лизу. Поскольку Саша была на голову выше Лизы, то казалось, что каланча обнимает младшую сестрёнку. Лиза под её объятиями совершенно не держала равновесие, даже руки висели вдоль туловища безвольными нитями.

– Какой ужас! Сочувствую тебе со всей душой. Когда он узнал?

– Сегодня. И сразу же сообщил мне, считая, что мне надо знать об этом в первую очередь.

– Бедная моя. – Саша прекрасно знала, что никакими словами здесь не поможешь. Разве что выслушать монолог Лизы, изредка вставив свои пять копеек. Для этого ей пришлось пожертвовать подготовкой к семинару, но об этом решила не сообщать. Ведь это ничто по сравнению с тем, что у друга гибнет любимый человек.

Они оба усадились на полу возле окна в гостиной. Поскольку Лиза лишилась сил, не только моральных, подруга вместо неё занялась поисками бокалов и нехитрой снеди. В огромных глазах Лизы отражалась непосильная борьба с принятием неизбежной трагедии. Она щипала себя за руку, надеясь, что происходящее с ней – всего лишь чудовищно реалистичный плохой сон. Увы, явь оказывалась хуже любого ночного кошмара.

Далее следовало почти что молчаливое распитие вина, так как Лиза старалась выбросить из головы причиняющие ей боль мысли. Она неторопливо вливала в себя приятный вкус напитка, стараясь не думать вообще ни о чём. Достаточно того, что верная подруга рядом с ней и разделяет горе. Саша своим молчаливым пониманием действовала на неё успокаивающе, насколько это возможно. В любом другом случае, она пошутила бы, что видит перед собой начинающую пьяницу.

На второй половине оставшегося вина в бутылке Лиза уже не стремилась забыться. Теперь она на пару с Сашей, порядком охмелев, плавно приступили к обсуждению всего, что касалось сегодняшнего дня, и конкретно Симона.

Хоть Саша понимала тщетность ситуации Симона, ведь она была наслышана о случаях, когда побеждённые безобидные болезни забирали жизни, и всё же не менее Лизы опечалилась. Ведь она как будущий врач ратовала за то, что нынешняя медицина способна на многое, да и сам Симон ей безумно нравился. А тут такой приговор для мужчины, которому жить да жить. То, что она выпалила, было неосознанным, и винить в этом стоило убитую горем Лизу, которую даже вино не утешало в значительной мере.

³ Крепление на ноге с металлической пластинкой, которая с каждым вопросом и последующим отказом отвечать на него затягивалась всё сильнее, чтобы переломать человеку кости ног. Иногда к пытке подключался инквизитор, который ударял молотом по креплению. В итоге – кости жертвы ниже колена были раздроблены, а израненная кожа выглядела, как мешочек для этих костей

– Так может ему обратиться в другие клиники? Мало ли где находят и испытывают новые лекарства. Рак же лечится на раз-два!

– Не знаю, – подавленно молвила Лиза, прихлёбывая вино, в котором ощущался привкус её слез. – Я только сегодня узнала, и не успела ни о чём его расспросить. Его новость ввела меня в ступор.

– Слушай, ты может это... – Саша, будучи умеренной трезвенницей, под действием выпитого алкоголя, уже не контролировала поток своих мыслей.

– «Может» что? – нетерпеливо заёрзала Лиза. Её ноги затекли под весом туловища, и она вытянула их, чтобы восстановить кровообращение по сдавленным сосудам.

– Клонировешь его что ли...

Лиза удивлённо вытаращила глаза, хотя было видно, что подруга несколько не шутила. Правда и шутить было не над чем: хоть клоны нынче редкость, но они всё же существуют, только они требовали наличие неуловимой фортуны и немалое состояние, чтобы оплатить их создание в единственном на весь земной шар специализирующем на этом Центре, находившего как раз в Евразийском Государстве. Она не знала, как отреагировать и что говорить. Звучало заманчиво, но что это даст? Лиза упорно напрягала извилины в пьяном мозгу и не могла прийти к единому выводу.

Пока Лиза запивала своё всеобъемлющее горе под чутким надзором подруги, Симон тем временем тоже не веселился. Напускное спокойствие филигранно скрывало неутихающую с утра бурю внутри него; спасибо долгим годам упорной тренировки над самообладанием.

Он не колесил по городу, утопающему в вездесущей иллюминации, и не закахивал куда-то, чтобы отвлечься от навязанной новой роли. Симон как раз таки и поехал именно домой. Правда, и сюда ему не хотелось: на Земле не нашлось бы места, где он действительно хотел бы оказаться. Разве что в объятиях Лизы... Но Симон слишком обессилен, чтобы утешать её.

Его холостяцкое жилище находилось в таком же ничем не выделяющемся высокоэтажном доме: раньше он жил в особняке, но он отошёл бывшей семье после развода. Квартира, находящаяся на самом верхнем этаже, радовала на первых порах, но потом он стал находить, что с удовольствием поселился бы в собственном доме, хоть бы и на берегу. Что ж, не всем мечтам свойственно сбываться. Кто сказал, что жизнь – простая штука, не требующая борьбы? А иногда и бороться незачем.

Симон вошёл в свою берлогу, как он называл нелюбимую квартиру, и ему показалось, что в ней произошли перемены. Так и есть: теперь в ней живёт приговорённый к скорой мучительной смерти человек. А так всё как обычно: минимум мебели, состоявшийся из дивана и трёх кресел, журнального столика, огромного шкафа, несколько картин с непонятной мазнёй. Такой аскетичный набор объяснялся тем, что они оказались здесь с первого дня заселения. А потом Симон решил, что нечего добавлять в конуру, из которой хочется сбежать.

Лиза отмечала, что здесь не хватает уюта или даже женской руки.

– Зато убираться не надо. – Разумно парировал Симон, будто не замечая, что ему намекали на новый этап в отношениях. Лиза повела узкими плечами, сделав вид, что ничего и не было.

Спальня и кухня тоже не изобиловали предметами интерьера. Только самое необходимое вроде двухспальной кровати или стола, за которым никто не сидел.

Зато во втором шкафу всякого водилось. Много книг в твёрдой обложке, и, в основном, сплошная классика вроде Томаса Харди⁴ или Мо Янь⁵. Библиотека чересчур избирательного человека, который не станет тратить свои драгоценные часы на беллетристику.

⁴ Томас Харди (2 июня 1840 г. – 11 января 1928 г.) – английский романист, новеллист и поэт. Его перу принадлежат такие произведения, как «Вдали от обезумевшей толпы» и «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

А также гора громоздких виниловых пластинок, занимающие не меньше пространства на полках огромного антикварного шкафа, чем книги. Проигрыватель, изготовленный специально по заказу, воплощал собой первоначальный дизайн: из него торчала конусообразная свёрнутая трубка. Любого, кто видел его, данный экземпляр вводил в ступор. Современные меломаны воспринимали музыку как нечто абстрактное, издающее определённые ноты. Проигрыватель своим существованием напоминал, чем раньше была музыка. Не только в виде цифрового файла, а и на носителях вроде дисков. Симону из вредности иногда хотелось перетащить тяжёлый проигрыватель в галерею, чтобы им сбивать спесь с лицемерных любителей картин. Где-то в глубине закрытых полок ещё завалились прадедушкины карманные проигрыватели японского бренда «Сони» – «Уокмэн»⁶. Один из них проигрывал кассеты, наличием чего Симон не мог похвастаться из-за их пропажи не его вине. Второй же – диски, которых, к большому счастью, лежало около трёх штук. Однако Симон, послушав песни, решил, что они не в его вкусе. Иногда он спрашивал себя, зачем он хранит бесполезный хлам, найденный в одном из ящиков в отчем гараже. Они не дарили ему приятных эмоций, но и рука не поднималась избавиться от ненужных вещей. Есть не просят – ну и ладно.

Из окна виднелось ночное ясное небо с заходящей луной в окружении звёзд. Возле дивана кофейного цвета сбоку стояла акустическая гитара, подаренная отцом на тринадцатилетие. Симон провёл по грифу пальцами и горько усмехнулся. То, что он холил и лелеял в эпоху цифровых технологий, пойдёт на свалку или попадёт в руки, которые вряд ли относятся к вещам с должным уважением.

Любимое холостяцкое жилище, куда он переехал после унижительного и внезапного развода, теперь представляло собой унылым смертным одром. Именно здесь он станет угасать, как пламень на тающей свече. Да тут и самый отъявленный оптимист завоюет на луну.

Симон понимал, что человечество ещё не изобрело средство, дарящее желаемое бессмертие, да и он не воспользовался бы, представься подобный случай. Вечная жизнь казалась ему той ещё пыткой: смотреть, как покидают грешный суетливый мир близкие тебе люди, которым не повезло по разным причинам. Или дожидаться таки вечно предсказываемого конца света – тоже сомнительное удовольствие. Однако он не планировал покидать бренный мир, будучи в самом расцвете сил. Ему хотелось дожить до самых седин и глубоких морщин, как отец с дедом, ныне живущих на территории штатов, решив послать к черту Евразийское Государство. И встречать свою старость с рыжей бестией, деля с ней каждый миг проносившейся жизни. Симону предстоит покинуть мир преждевременно, унося с собой все мечты и планы, отложенные на потом. Пресловутое «на потом» не наступит. Симон начал это понимать слишком поздно, потратив три десятка лет на полную чепуху. Успеет ли он хоть что-то наверстать за остаток дней? По большей части – отнюдь.

Признаваться Лизе ему было не менее легко, чем выслушивать диагноз ранее в кабинете доктора с печальным выражением лица. Самое смешное, он не помнил черты лица эскулапа, верно исполняющего свой долг.

Видеть, как её красивое лицо искажается гримасой боли, глаза тускнут, а кулачки бесильно сжимаются в возрастающей ярости. Он не знал, как её утешить, ведь что бы он не сказал или сделал – не стояло и рядом с тем, чтобы победить болезнь, а ведь именно этого они оба желали. Но этого он не мог ей обещать. Конечно, оставалась призрачная надежда на других докторов, но Симон понимал, что другого ему не дано будет услышать.

В лицо ударил прохладный ветер, доносящийся из распахнутого по приходу окна. Симон, очнувшись от горестных мыслей, сел на диван и взял в руки гитару. Его пальцы перебирали

⁵ Мо Янь (род. 17 февраля 1955 года) – современный китайский писатель и нобелевский лауреат («Устал родиться и умирать»).

⁶ Walkman – популярная торговая марка компании Sony, под которой продаются её портативные аудиоплеёры. Первые выпуск плеёров состоялся в 1979 году..

струны, выдавая первый попавшийся мотив. Даже играть не было никакого настроения. Всё лишалось смысла, не успевая он моргнуть глазом. С тобой он ничего не унесёт на тот свет, как ничего и не принося при рождении. Логично, закономерно и печально.

Внезапно на него накатила очередная волна безумной усталости. Он откинулся на холодную спинку и задремал, держа в руке инструмент.

Глава 3

Глядя на человека, который по-прежнему являлся для Лизы центром вселенной, она испытала то чувство умиротворения, что происходило каждую их встречу. Затем оно сменилось заблаговременной тоской: казалось, что с последнего их разговора на пляже (а это было три дня назад), он заметно осунулся, а в глазах потухал свет. Улыбался он как будто сквозь силу: она не задерживалась на его лице. Для девушки такие перемены служили поводом думать о худшем вопреки её страстным обещаниям самой себе держаться героически перед своим мужчиной. Ведь ей следует проявлять куда больше сил и поддержки, а не поддаваться унынию. Только глупый не поймёт, что его вряд ли радовала перспектива думать о близкой и неизбежной кончине, а Лиза не была скудной на ум. Ей до сих пор неловко было за своё поведение на пляже, хотя его можно было оправдать. В своих глазах она представлялась эгоисткой, слишком заиклившей на себе. Удивительно, как Симон так долго терпит под боком столь избалованную барышню.

Лиза не понимала толком, как начать разговор. Её который день занимала брошенная Сашей идея клонировать Симона, таким образом сотворить наглядную реинкарнацию. Звучит безумно и в то же время заманчиво. Ей хватало понимания, что возлюбленный, будучи законсервированным, вряд ли возрадуется подобной идее о создании двойника. И всё же, придётся решаться, так как именно от него зависит реализация или её отсутствие. Именно он должен подписать бумаги и позволить взять от себя кусочек плоти. Без этого ничего не получится.

Лиза даже лишилась сна на почве навязчивых мыслей о клонировании, да и переживания за Симона тоже способствовали тому, чтобы по ночам лежать и смотреть в потолок, по которому отражался свет от соседских домов.

Глядя на Лизу, Симон прекрасно понимал, что есть о чем беседовать и терпеливо ожидал. Руки Лизы немного тряслись, и она отводила глаза в поисках решимости. Впервые за всё время их встреч они так долго сидели в напряжённом молчании. Смертельная болезнь уже разрушала между ними идиллию, которая и так слишком долго длилась.

За окном в гостиной шумело очередное аэротакси, как мы помним, Симон жил на самом верхнем этаже, и поэтому для него мельканье винтов и шум на крыше стали привычной картиной.

Набрав побольше воздуха в лёгкие, Лиза таки заговорила:

– Я думала о том, что нам придётся разлучиться...

– Надеюсь, ты не собралась уйти вслед за мной? – он спросил с предельной деликатностью, ведь меньше всего ему хотелось принимать подобные жертвы. Да и ведь в любом случае придёт и её время, если конечно она не надумает принимать изобретённые таблетки бессмертия, поэтому незачем торопить события вот таким ужасным способом. Симон считал, что самоубийства – это удел психов, а уж Лизу он таковой не считал, несмотря на её непредсказуемый ужасный характер.

– Нет, ты что! – обрадовалась Лиза тому, что возможно умирающий воспримет её истинные планы не столь категорично. – Я... я узнала, что можно поучаствовать в международной ежегодной лотерее и выиграть единственное за весь год клонирование.... Вот.

И Лиза с осторожностью повернулась к нему, чтобы оценить реакцию по его лицу. Увиденное не обрадовало её: плотно сжатый рот, насупленные брови и недоумение в потемневших глазах. Впрочем, к этому было время морально подготовиться, зная железобетонные принципы Симона.

– Ты, я надеюсь, шутишь? – Он понимал, о какой лотерее шла речь. Вот уже десять лет, как она длилась после внедрения в человеческое сознание об этической стороне данного

вопроса. Вроде как клонируется человек, который покинул или покидает мир в случае неизбежного жизненного конца, а заявки подают заинтересованные личности вроде родственников. Шанс выиграть равнялся один к миллиону, а иногда и того – больше, поэтому вскоре у данного розыгрыша появились новые противники, аргументируя тем, что даётся ложная надежда, а ещё хуже того – подобная затея идёт против законов природы. На их взгляд, роботы – менее пагубный способ увековечить любимого человека. А ещё утверждалось, что клон не в состоянии повторить характер и жизненный опыт прототипа. Выдвинутые доводы и влиятельные критики едва не прикрыли эту лавочку, но лотерея вопреки всему продолжила своё триумфальное шествие. Все, кто платил за шанс обзавестись билетом с обещанием призрачного выигрыша, не получали свои деньги обратно. А победивший вносит дополнительный внушительный взнос. Симон знал об этом и считал политику Центра аморальной во имя золотого тельца⁷. Хотя он мог ожидать от своей девушки идиотского желания вляпаться в сомнительное дело.

– Нет, я серьёзно! И мне нужно твоё одобрение! – промолвила Лиза, чьё лицо выражало отчаянную мольбу.

– Ну уж нет! Я никогда не воспринимал клонирование так, как тебе хочется. И не собираюсь менять свою точку зрения. Более того, унесу с собой в могилу свои принципы. Забудь.

В голосе Симона звучали несвойственные ему металлические нотки, которые давали понять, что тема закрыта и не подлежит повторному обсуждению. Девушку же они только взбудоражили.

– Да почему ты противишься моему желанию?

– Во-первых, клон никогда не унаследует всё, что делает меня мной. Только оболочка с пустым внутренним миром. А во-вторых, что с тобой будет, если тебе не выпадет счастливый билет?

– Не будь пессимистом.

– Я как раз таки реально смотрю на мир, не то что ты в розовых очках. В случае проигрыша, тебе придётся смириться с жестокими законами природы. Лучше выброси эту чушь из головы прямо сейчас.

Лиза не имела больше сил слушать нравоучения и твёрдый отказ, и она вскочила, едва не задев журнальный столик, на котором стояла надколотая чашка с недопитым кофе. Едва видя из-за слез, она потопала к выходу. В душе она ожидала, что Симон бросится вслед за ней утешать и посыпать свою голову пеплом. Как обычно, он так делал.

Однако на этот раз он не погнался за ней. Не сказал что-то вдогонку. От него вообще ничего не исходило. Лизе становилось всё невыносимее от отстранённости. Покинув дом, она пошла по шумной улице куда глаза глядят. Тишина будто неотрывно следовала по пятам и была по ушам.

И Симон понимал, что она шла к нему с серьёзными намерениями. Он ценил её просьбу, но не мог преступить свои убеждения. Современный мир ему не нравился категорически. Единственным достоинством цивилизации он считал полёты в бескрайний космос, и только. Видеть, как люди стали совершенно беспомощными с бесконечными гаджетами и благами медицины; как они слишком далеко отошли от своей первоначальной природы. Он противился этому, отказываясь от косметических процедур, голографических экранов, творчества, облачённого в бездушные электронные носители. Таких, как он, в прогрессивном обществе называли «неблагодарными ретроградами».

Лиза же хоть и не была ему полной противоположностью, но смотрела на современный мир более снисходительно. Она не находила зазорным ходить на голографические концерты

⁷ «Золотой тельце» – символ наживы, власти, денег, богатства, алчности.

таких легендарных групп, как Talking Heads⁸ или Led Zeppelin⁹. Или начать принимать пилюли, которые обещали продление молодости, хотя ей до старости было очень далеко. Типичное дитя современного общества, взращённого на постоянной рекламе и умелой пропаганде самосовершенствования.

Симон как-то смирился, что она не являлась ему единомышленником. Чары любви сглаживали недостатки Лизы, и он их практически не замечал. А если и замечал, то называл их милыми причудами. Рыжая куколка внесла в его застывшее, словно болото, существование изрядную долю авантюризма и желания совершать необдуманные поступки. При всём этом то, что он услышал от неё сегодня – превзошло всё его терпение. Ему не нравилась сама мысль о том, что его двойник будет служить паршивой заменой ему. Ему, который был личностью с богатым жизненным опытом. Лиза словно видела в нём любимую собачку, а не человека. Большого бреда придумать невозможно.

Поэтому на почве тихого гнева он не стал рваться за Лизой, которую сильно расстроило его нежелание оставить после себя хоть какую-то частичку. Ей ещё не стукнуло и двадцати. Что она понимает в жизни? Неужели она полагает, что сможет любить клона исключительно только потому, что у него окажется та же внешность? И держаться за него долгие годы?

Затем его мысли свелись и к другой женщине. С Еленой Симон сошёлся на почве бурной страсти. Он полюбил так, как никого – прежде. Она отвечала ему тем же, хотя он не мог поклясться наверняка в истинности чувств, как в своих. Но между ними летали искры, как теперь в случае с Лизой, о чём Симон боялся мечтать после расставания с женой и сыном. Чувствам свойственно угасать, в чём на собственной шкуре убедился умирающий.

Он ругал беглянку уже только за то, что она вообще заикнулась о клонировании. И её бегство лишь усилил праведный гнев. Если прозвучал отказ, то значит, у него были ещё с десятков веских причин. Но нет, слушать ей не хотелось.

«За что я люблю Лизу? – спрашивал он себя – Ведёт себя, словно ей все десять лет».

Ни маленькая девочка, ни он не позвонили друг другу в этот день. Каждый оставался при своём, не желая идти на попятную.

⁸ Talking Heads – американская рок-группа, образованная в 1975 году в Нью-Йорке и исполнявшая стилистически разнообразный нововолновый рок с использованием многочисленных сторонних влияний.

⁹ Led Zeppelin – британская рок-группа, образовавшаяся в сентябре 1968 года в Лондоне, и признанная одной из самых успешных, новаторских и влиятельных в современной истории.

Глава 4

На следующий день Лиза встала раньше обычного. Придя вчера под поздний вечер, она сразу же упала на кровать и уснула, не сняв даже тесные туфли, купленных из-за непреодолимого желания отвлечься. И несмотря на несколько беспокойный сон, она проспала без перерывов, как убитая. Из не задвинутого гардинами окна солнце упрямо светило в лицо Лизы, что и привело её в состояние вынужденного бодрствования. А так возможно она и дольше бы провалялась в постели, жалея себя.

В голове вовсю вертелись мысли вокруг клонирования и вчерашнего разговора. Сегодня предстояло сделать то, чего не одобрил он. Либо Лиза идёт и обзаводится билетом, либо упускает шанс, послушав Симона. Последний день, когда можно купить пропуск к шансу обзавестись копией любимого мужчины.

«Если я куплю билет – предам Симона. Если нет – то себя», – Лиза не знала, к какой чаше весов склоняться. Мнение и одобрение Симона имело слишком большое значение, чтобы так просто взять и сразу решиться. Она уже представляла себе, как хоронит его и остаётся одна... Только представленная картина жизни без этих васильковых зеркал души, каштановых локонов с проседью, мускулистых родных рук, помогла Лизе прийти к окончательному решению.

Быстро переодевшись и собравшись после принятия утреннего душа, Лиза схватила собранные документы, коими были квитанции о доходах, заявление, скаченное на сайте и подписанное якобы Симоном, и посемила к своей машине, стоящей на парковке в подвальном помещении здания. Она пользовалась ей редко, предпочитая рассекать по городу либо на машине Симоне либо на такси. Биение сердца заглушало её мысли, и она посчитала до десяти в попытке успокоиться. Оно не сильно ей помогло, но она всё же набрала на панели нужный маршрут. Машина плавно тронулась на пути к неизведанному. Лиза мысленно отблагодарила создателей автопилота, потому что как она ещё могла бы вести машину с трясущими руками?

Дорога ещё не изобиловала густым потоком автомобилей, но их количество заметно увеличивалось. Лизе понадобился целый час, чтобы переехать границу Государства, где располагался офис, принадлежавший Центру. И ещё полчаса – на территории Государства, прежде чем она подъехала к нужному зданию.

Несмотря на то, что в её голове всплывали противящиеся друг другу аргументы, она по-прежнему не испытывала ни капли сомнения. Если ничего не получится, то она будет знать, что было всё испытано.

Место, где принимались заявки на лотерею, находилось в высоком здании: два десятка этажей нависали над узкой дорогой и до ужаса катастрофической ширины тротуарами. Многие, кто там жил или работал, шутили, что достаточно положить между окнами параллельно расположенных зданий любого коротышку, чтобы через него можно было пролезть в окно напротив, минуя привычные двери. Солнце здесь с трудом бросало свои лучи, так что здесь главенствовала её величество Тень.

Когда Лиза вступила на нужный этаж, то увидела, что ей предстоит высидеть не один час. Сидело двадцать человек, и ей, как человеку нелюбящему подолгу просиживать штаны, не понравилась такая длинная очередь.

Минуты ожидания пролетали мучительно долго. Перед глазами Лизы проносились довольные лица уходящих, и едва терпеливых – приходящих. С ней пытались заговорить, на что она односложно что-то мычала. Этим она показывала, что её не интересует обсуждение чьей-то несносной соседки или провалами на личном фронте.

Монотонную картину нарушил телефонный звонок со стандартной мелодией. Когда Лиза достала телефон и увидела от кого он, с опасением нажала на «ответить». Неужели он вновь станет отговаривать?

– Доброе утро! – начал он благожелательным тоном, даже чувствовалась бодрость. – Я звоню, чтобы попросить не обижаться на меня...

– Я – там... – прошептала она, жалея о том, что ей вновь пришлось разрушить было налаживавшуюся идиллию.

Он протяжно застонал, словно застал неугомонного ребёнка за запретным занятием.

– Я не могу поверить, что ты так поступаешь так со мной! Почему ты не считаешься с моим мнением?

Лиза мысленно поблагодарила небеса, что никто из очереди не слышал ни слова от Симона. Затем она хотела ответить ему, но её тут же вызвали. Она положила телефон обратно в карман. Надежда в глазах, лёгкая улыбка, ускоренный шаг – такой видел её молодой человек, принимавший заявки.

– Представьтесь, пожалуйста, и прошу предоставить бумаги.

Пока парень тщательно изучал предоставленные документы, сердце Лизы едва не выскакивало из груди. Ей было за что волноваться: она подделала подпись любимого, когда поняла, что тот будет стоять на своём. Принимающий изредка бросал свой взор и на Лизу; только для того, чтобы сопоставить информацию на бумагах с поведением Лизы. Она спиной прилипла к стулу и мило улыбалась парню. Тот, покончив с тщательным анализом, принялся выписывать билет. Лиза едва не вскричала, ведь ей казалось, что обман раскроется и её потащат вниз с последующим вечным запретом на участие.

– Как участник будете подписываться или предпочитаете подтвердить получение билет отпечатком пальца?

Лиза едва по инерции не выбрала первый вариант, но потом вспомнила, что вчера вечером она слишком рьяно старалась скопировать чужую подпись и, кажется, уже забыла какова её личная. Нет, зачем рисковать и она молча протянула руку.

Молодой человек мастерски взял у неё отпечатки, после вручил ей билет, не забыв при этом встать, что придавало сему моменту торжественность.

– Ваш номер 5542560874. Добро пожаловать в розыгрыше!

– Спасибо, надеюсь, мне повезёт.

Парень провёл её понимающим выражением лица, улыбаясь одними губами.

Лизу настолько переполняли эмоции, что ей хотелось кричать на весь мир. Но потом в её сознание, помутнённое приступом счастья, ворвалось осознание того, что участие ещё ничего не даёт. Вдобавок, Симон умирает, и она противодействует его принципам. Билет перекочевал в глубину сумки и она пошла прогуляться, надеясь на возвращение бывшего хорошего настроения.

Однако этому не суждено было случиться – вновь зазвонил телефон. Лизе совершенно не хотелось пребывать в роли оправдывающей, но тем не менее, бегом ответила.

– Так что, ты дошла до победного конца? – Лиза молчала, и он продолжил, но уже более спокойно, понимая, что её ничем не проймёшь, – Лиза, не полагай, что я не думаю о тебе. Просто хочу, чтобы ты готовилась к худшему как можно раньше, а теперь ты обрекла себя на двойной удар. Как ты это перенесёшь?

Лиза стояла посреди торгового центра, и её лицо помрачнело пуще прежнего. Ей стало стыдно за своё упрямое непонимание его позиции.

– Как-нибудь переживу, как и новость о том, что эти чертовы доктора не могут тебе помочь!

– Ладно. Приезжай ко мне, нам следует проводить больше времени, прежде чем я...

– Хорошо, буду через час! – Лиза не хотела, чтобы он закончил свою мысль тем, чего ей слышать не хотелось.

Для начала она вернулась домой, где спрятала билет в надёжном месте. Ей казалось, что он станет рыться в сумке и изымет билет, лишая призрачного шанса. Не доверять тому, кого любишь – уж не так ли умирает то сильное чувство, что веками движет людьми и их поступками?

Её встретили со серьёзным лицом. Он смотрел на неё так, словно изрезала перочинным ножиком семейный портрет. Лиза напустила на себя беззаботность и радость, что удавалось с шатким успехом.

Глава 5

Через три недели после получения лотерейного билета, Лиза, успев пообедать, получила тревожное сообщение: «Приезжай как можно скорее. Симон».

Железная рука тревоги сжала сердце. Симон, будучи человеком, который не стремился кого-либо упрашивать, никогда не писал подобного. Должно было что-то случиться совершенно форс-мажорное, чтобы послать данный текст.

Собравшись впопыхах, едва не роняя на ходу сумку и от дома и машины ключи, Лиза обулась и выскочила в подъезд. Из-за дрожащих рук она еле закрыла дверь.

По пути опять же Лиза с трудом держала себя в руках. В голове творился хаос, из-за чего она едва не сбила старушку. Почему-то в это раз она решила, что поведёт машину сама, не прибегая к помощи к самоуправляющему механизму. Объяснить её решение довольно просто: ей требовалось чем-то занять себя, пока машина доберётся до нужного дома, где живёт Симон. Пожилая дама стукнула капот кулаком.

– Смотри, куда едешь, бестолочь! – таковы были напутствия. И она тут же скрылась, явно опасаясь, что ей отомстят.

Лизу мало волновали «любезности» в её адрес. Важнее всего было попасть к Симону. В горле стоял ком, едва дававший глотать, а из глаз предательски лезли слезы. Лиза никогда не была плаксой, но после того, как Симону вынесли смертельный приговор, она преисполнилась излишней чувствительностью. Даже мягкие укоры и просьбы держаться с его стороны не возымели особого успеха. Девушка улыбалась всё реже, не в силах абстрагироваться от надвигающей утраты. Каждое утро, как только она просыпалась, тут же мрачнела при рефлексорном воспоминании о раке у любимого человека. Теперь вот очередной удар.

Дверь отворилась с помощью биометрического ключа Лизы, который Симон дал когда-то. На ключе располагались отпечатки пальцев владельца квартиры. Жест показался ей довольно приятным, как будто он преподносил ей нечто большее. Теперь же она входила в квартиру, где было всё слишком тихо, и поэтому слышала собственный учащённый пульс. Ни тебе дурацких старых песен, ни брэнчания на гитаре, ничего. Здесь жил человек, не представлявшего свою жизнь без навязчивого музыкального фона. Так что полная тишина полностью отражала серьёзные изменения.

Хозяин квартиры лежал на своей кровати в огромной спальне. Если бы не рубашка и джинсы, то можно было бы решить, что он отдыхал. Увидев Лизу, Симон слабо растянул губы, но в глазах отражались муки, которые должны были начаться рано или поздно.

– Ты так быстро приехала...

– Не разговаривай, если тебе трудно, – с горячностью выпалила Лиза в ответ. Она бросилась к нему, но осторожно присела на боку кровати. Ей не хотелось причинять своими порывистыми движениями и усиливать страдания. Испарина над верхней губой и на лбу, а также сведённые к переносице брови демонстрировали непосильные физические муки.

Однако тот не послушался и рассказал, как оно было до её приезда. Два часа назад он внезапно почувствовал себя довольно прескверно: ему стало трудно дышать, руки едва слушались, а тело пронзала острая боль. Симон ожидал, что возникшее недомогание пройдет, но тщетно. Только после получаса валяния он решился отправить сообщение. Которое было набрано и сохранено после озвучки диагноза. На том настояла Лиза. Симон не хотел этого делать, говоря, что можно и позвонить. Но требование было исполнено. Симон был ей благодарен, так как говорить ему было действительно трудно.

Лиза смотрела на него, лежащего в постели, где они проводили много времени, и едва сдерживала слезы. Теперь ложе любви становилось предсмертным пристанищем.

Если до этого критического момента она слабо понимала происходящего с ним, точнее, не хотела, то теперь вынуждена всячески убедиться в этом. Лицо Симона теряло краски и бледнело, носогубная складка ещё сильнее углубилась, а глаза закрывались от боли. Лизе казалось, что и ей становится так же больно, как и ему. Она с ужасом понимала, как молодой мужчина теперь умирает из-за формы рака, которая не поддавалась какому-либо лечению. И это в то время, когда другие формы побеждались как по мановению палочки. Почему именно с ним случилось досадное исключение?

– Доктор сказал, что я тот единственный на миллион, который заболел раком, по-прежнему не поддающийся лечению. – Сказал Симон Лизе, когда они стояли тогда на пляже. Тогда днём он как узнал так и решил что надо сразу же поставить девушку в известность. В этом виделось благое намерение: чем дольше знаешь, тем проще принимаешь смерть.

– Но как так? Сейчас же не осталось никаких неизлечимых болезней!

– Всегда бывают исключения из правил.

Нельзя сказать, что умирающий флегматично отнёсся к тому, что его дни – сочтены. Ему, как и любому на его месте, хотелось кричать от несправедливости. Прожить три десятка лет – ничто по сравнению с тем, что мало кто теперь мрет раньше ста лет по естественным причинам. Симон успел наделать ошибок: женился не на той женщине, с которой развёлся через три года, несмотря на наличие ребёнка; не испытывал должной страсти к своей работе программиста, которую всё же бросил. Став владельцем небольшой картинной галереи, он подолгу запирался в своей рабочей комнате и водил кистью по холсту. Правда, выставлялись чужие картины, так как свои он считал недостаточно достойными для всеобщего обозрения. Он два года жил тем, чтобы начать жизнь с чистого листа, и вот пошли последние часы.

Спустя три дня после врачебного вердикта он решил для себя, что не пойдёт на терапию, призванную облегчить течение болезни. Двух дней под капельницей оказалось достаточно, чтобы понять, что смотреть на таких же редких «счастливчиков» – плохая идея. В любом случае, его час предreshён, и он решил, что лучше провести остаток короткой жизни в своё удовольствие.

И вот лежит он, недооценивший мощи рака. Неужели всё запланированное придётся перечеркнуть и уйти из жизни в качестве ничего не добившегося овоща? Симон смотрел на Лизу и размышлял о том, насколько тяжело ей. Изредка у него мелькали мгновения ненависти к себе за, что не может избавить её от душевных мучений.

Суетливый город за панорамным окном впадал в плен сгущавшимся сумеркам. Симон к тому времени успел поспать пару часов. Лиза лежала рядом с ним и следила за каждым подёргиванием на его лице. И вот распахиваются некогда ясные глаза, в которых ей хотелось тонуть всё глубже и глубже.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она шёпотом, настолько тихим, что он мог бы не услышать её.

Он зажмурился и посмотрел на Лизу.

– Боюсь сглазить, но кажется, полегчало.

– Рада это слышать.

И в этих словах не было ни доли лукавства. Только Лиза по-прежнему не смела сделать лишнее движение. Приходилось подавлять в себе даже желание провести кончиками пальцев по его запавшей щеке. Она боялась причинить ему боль.

Пока Симон пребывал в спасительном забытье, ей пришлось задуматься о своём поведении. Причитания о себе и только о своих чувствах... Как же она была эгоистична и думала только о себе, не задумываясь, что делает ему хуже. А он не смел и перечить, понимая выслушивая её вздор, более достойный маленькой девочки, нежели женщины. Лиза пообещала себе, что посвятит всё своё время ему. Правда для этого придётся взять небольшой отгул

в Академии, где она изучала историю живописи. Но то всё можно наверстать, а с человеком надо быть, пока он с тобой дышит одним воздухом.

Симон удивленный смиренным молчанием, снова посмотрел на неё. В Лизе ничего не поменялось, только лицо выражало полную задумчивость. Он всегда видел её или хохотушкой, или слезливой, но никак не серьёзной. Ему не понравилась перемена.

– На тебя так посмотреть, то можно решить, что я уже умер.

Лиза бережно приложила указательный палец к его губам, и затем так же тихо промолвила:

– Пожалуйста, не говори о себе в подобном ключе. То будет потом, а сейчас лучше забудь об этом. Ты живой и точка.

Симон не ожидал подобных мудростей с её стороны. Она только что перечеркнула одиннадцатилетнюю разницу в возрасте. Лиза теперь превращалась в его ровесниц, умудрённых жизнью. Он ухватился за её руку, когда она стала убирать её от его лица и приложил вновь к губам. В уголках глаз стояли слезы. Он впервые готов был разрыдаться.

Про него всегда говорили, что более морального кремни не найдёшь. Он либо улыбался, либо ничего не выражал. Никто не слышал от него повышенного голоса ни злого слова. Хотя многие пытались вывести его из себя, но он всегда уходил от навязываемого словесного боя. Даже бывшая жена не выдержала, назвав его скучным и безэмоциональным. Симон даже в детстве не имел привычки капризничать, но тогда никто не ставил ему в упрёк его поведение. Но с другой стороны, ему мало кто доверял, не в силах залезть в голову.

И вот Лиза сорвала с него кокон. Он готов был рыдать и кричать, как она в последнее время. Но он только привстал, тупо глядя на пустую стену. Грудь распирало, но он продолжал сдерживаться.

– Симон, ты почему не ложишься обратно? – раздался за спиной встревоженный голос Лизы.

– Не хочу я лежать! – почти вскрикнул он. – Успею ещё навалиться!

Лиза вскочила с кровати. Она никогда видела его, выходящего из себя. Для неё стало сложной задачей понять, какие чувства её переполняют. Симон тоже встал и направился к окну, за которым солнце отражалось в окнах таких же высоких домов напротив.

– Вот умру я, а мир этого и не заметит! Кроме тебя, конечно.

Лиза подошла к нему сзади и обхватила его руками. её голова покоилась возле его длинной шеи. Из её губ не доносилось ни слова.

– Как можно спокойно сидеть и умирать, зная, что тебе всего четвёртый десяток? Чем я хуже долгожителей? Перед моими глазами проносится вся моя короткая жизнь: безрадостная работа после долгих лет учёбы, неудавшийся брак, гибель родителей... И стоило мне начать *жить*, так же всё заканчивается!

Лиза по-прежнему молча выслушивала его внезапный поток, который напоминал о её словах. Она не подозревала, что за маской спокойствия спрятался испуганный человек с желанием жить, но никто не может ему помочь.

– Интересно, что там за пределами нашей реальности? Ад? Или меня определяют в чистилище? А может и вовсе ничего?

– Симон, давай попытаемся обратиться к другим докторам!

Он повернул голову к Лизе. По щекам катились слезы, а на губах играла улыбка неверующего в спасение.

– Глупенькая. Я обращался ко многим врачам в городе, никто не дал мне никаких шансов. Я не говорил об этом, чтобы ты не нервничала.

Она оторвалась от него. На лице застыла бледная маска боли. В её уме назревал план, который тут же разрушился.

– Скажи, то ты шутишь?

– Нет. Всё, что мне предлагали – это проходить терапию, которая притупляет болевые ощущения. А это надо ходить в больницу. Ну уж нет, никогда там не лечился и сидеть там отказываюсь. Лучше уж в родных стенах.

В спальне повисла гнетущая тишина. Она длилась до сих пор, пока Симон не застонал, хватаясь за голову. Лиза испуганно приблизилась к нему.

– Симон, приляг, пожалуйста.

Он отмахнулся, убирая руку.

– Ничего, всё прошло.

И тем не менее он направился к кровати. Присев на краешек, он подозвал Лизу сесть рядом.

– Знаешь, у меня есть дела, которые придётся возложить на тебя, если я не смогу.

– Симон, ты всё сможешь! – с горячностью запоздало парировала Лиза, осознавая как тому нелегко было принимать происходящее как факт. А тут ещё и говорить приходится об этом.

– Пожалуйста, не перебивай. – Мягко промолвил он, беря её ладонь в свою руку. – Пообещай, что ты сделаешь всё, что я попрошу.

– Конечно же я всё сделаю!

И она получила список того, что ей нужно было притворить в жизнь. Многое удивляло, но она ничем не выдала свои эмоции. Для неё было важно исполнить просьбу умирающего.

Глава 6

На утреннем небе угрожающе собирались тяжёлые серые тучи. Лиза, преисполненная волнения, видела в этом плохой знак. До открытия картинной галереи оставалось всего пятнадцать минут, и она сидела как на иголках.

Вчера она потратила весь вечер на то, чтобы снять картины и повесить другие. Это был единственный вечер за последние три недели, как она провела его за пределами спальни Симона. И об этом он сам попросил её.

– Найди в моём кабинете в галерее картины и повесь в зале. Даже незаконченные, их больше завершённых.

– Но, Симон...

Симон нетерпеливо прервал её, с трудом повысив голос:

– Пожалуйста, сделай это. Поверь, мне очень важно, чтобы ты выставила те картины.

Лиза больше не смела перечить ему, понимая, что спор только убавляет и без того мизерное количество сил. Некогда красивый мужчина превратился в худшую версию себя: вокруг глаз синели круги. Щеки запали, сильнее выделяя скулы. Губы сравнялись по цвету с лицом – стали такими же бледными. Тело отошало неимоверно, и Лизе казалось, что она видит едва живой скелет, покрытый кожей.

Когда она брала его руки, то чувствовала лишь костяшки и холод. Он уже практически не ел, но много спал благодаря инъекциям с болеутоляющим, которые ставила приходящая медсестра.

Вот она стояла в святая святых – таким был кабинет и одновременно комната, где валялись картины, которые никто не видел. Её нога никогда не ступала сюда, хотя ей хотелось. Но Симон отнекивался, утверждая, что там нет ничего кроме скучного стола с креслом. Только надвигающая смерть заставила его передумать, от чего Лиза не испытывала ничего, кроме горечи. Других чувств она не испытывала, поскольку она отупела от ухода за Симоном. Некогда ей было думать о чём-то ещё. Бывало так, что она могла не есть весь день, пока страждущий не умолял перекусить, так как замечал, что и она худеет до неприличия.

Нажав выключатель, Лиза увидела, что здесь никакого стола не было. Из мебели только высокая деревянная табуретка. Она стояла возле мольберта, на котором красовался не вполне уверенный пейзаж. Зелёные холмы, редкие кусты и под бледновато-голубым небом. На первый взгляд не особо занятая мазня, но она почему-то не могла отвести взгляд.

Спустя нескольких минут пристального рассматривания незаконченной картины на мольберте, Лиза стала осматриваться по сторонам в поисках других работ. Что-то темнело в углу.

Работы будучи сложенными друг к другу, скрывались под мешковиной. Лиза осторожно ступала по небольшому помещению, где единственное окно было задёрнуто давно нестираной плотной занавеской синего цвета. В комнату ворвался свет, жадно освещая собой каждый забитый закоулок. Сдёрнув с первой кипы жёсткую ткань, девушка увидела незамысловатую абстракцию. За ней лежали и другие пробы кистью. Но ни одна не могла похвастаться завершённостью. Зато здесь лежали и портреты и натюрморты и изображения животных. Разная техника с различными инструментами для живописи.

Лизе становилось понятно, что почерк принадлежит одному человеку. Тот художник определённо не обладал уверенностью в своём таланте, так и терпением. Он имел лишь его зачатки, но бросал на половине пути.

Несмотря на сыроватость обнаруженных картин, Лиза поймала себя на том, что ей хочется их рассматривать снова и снова. Она брала по картине и любовалась ей подолгу, забывая о том, что ей следовало ещё поработать в зале.

Наверное, прошло много времени, прежде чем она закончила с изучением картин. Только после этого её руки дошли до тех, которые висели в зале.

Пока она бережно снимала выставленные картины и упаковывала, на неё нахлынули воспоминания.

Она – студентка первого курса, изучающая историю живописи, стояла возле одной из картин. На ней было изображена некая абстракция: цифры представляли собой гору, буквы – небо, а всякие группы из повторяющих закорючек – деверья, животных и дома. Подобное творение ей не то чтобы нравилось, скорее, она рассматривала в попытках понять его ценность. Ей повезло повидать многие признанные шедевры из прошлых веков, даже воочию. Однако её удручала тенденция следовать дурновкусию, от чего мало кто стремился развить течение классической школы живописи. Чем проще – тем лучше. И вот вся галерея увешана непонятными плодами чьих-то больных воображений.

Видимо пристальное изучение только одной картины затянулось, из-за чего сбоку от девушки раздался голос. Он принадлежал мужчине, в чём Лиза убедилась, даже не поворачиваясь к нему, так как столь низкий не под силу повторить ни одной женщине.

– Занятно написано, не так ли?

Лиза закатила глаза, продолжая оставлять попытки посмотреть на неожиданного собеседника.

– Я бы сказала «нарисовано», а занятно – взяла бы в кавычки.

Ответом ей послужил приятный залиvistый смех.

– Вы весьма несправедливы к автору.

И тут Лиза наконец-то одарила защитника своим взором. Да, мужчину она нашла приятным на внешность, под стать его бархатному голосу.

– Это почему? Я интересуюсь живописью, даже изучаю её историю. Поэтому я выражаю лишь мнение какого-либо, но эксперта.

– Вот уж как? – удивлённо поднял он аккуратные брови. – А что вы скажете насчёт остальных картин?

– Все до единой – недостойная внимания мазня. Такие и дети могут, как вам угодно будет, написать!

– Ну, мне кажется, для эксперта вы достаточно скоропалительны в заключениях. – Неужели вы не видите за ними многочасовые кропотливые труды? А техника, вряд ли доступная дилетантам?

– Да хоть так. Для меня настоящее искусство – академическая живопись.

– Ну, я хоть не специалист по живописи, как вы, но нахожу академизм слишком прямолинейным.

Лиза могла бы поклясться, что собеседник просто подначивал её, потому что в его голубых глазах читалось желание повеселиться. Лизе захотелось вступать с ним в спор, потому что решила для себя, что этот человек не разбирается в вопросе, как она. Кто, как не она, сумеет наставить его на путь истинный?

– Только глупец может такое выдать! Вот вы в состоянии повторить «Мону Лизу»¹⁰?

Мужчина скорчил гримасу, показывая несерьёзность данного диалога.

– Все мы можем повторить. Вопрос только в успешности повторения.

Он так широко улыбался, что Лиза не могла сердиться на него. Она решила, что пусть останется при своём мнении. Неверном, конечно.

– А вы не теряйтесь, я гляжу.

¹⁰ «Мона Лиза» или «Джоконда» (полное название – «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо»), – картина Леонардо да Винчи, находящаяся в Лувре (Париж, Франция), которая является портретом Лизы Герардини, супруги торговца шёлком из Флоренции Франческо дель Джокондо, и была написана около 1503–1505 года.

– А владельцу этой галереи и не следует поступать иначе.

Едва начавшее расположение Лизы стало тут же улечиваться.

– Ах, это вы популяризуете это дилетантство? Тогда в таком случае, я покидаю галерею, где царит безвкусица.

Она стремительно направилась к выходу, будучи вынужденной проталкиваться сквозь собравшуюся толпу. Она ненавидела это место и её посетителей, у которых интерес не скрывался, если судить по их громким разговорам.

– Девушка, постойте, пожалуйста.

И она остановилась в стеклянных дверях. Виной тому была не мягкотелость. Когда мужчина встал рядом с ней, она почувствовала, что ей приятно его присутствие. Но на него она смотрела с притворным презрением.

– Ну, что ещё?

Он провёл рукой по своим чересчур отросшим волосам с выжженными на солнце кончиками: они могли коснуться самих плеч. Лиза у других мужчин находила это признаком неряшливости. Но лёгкие волны внезапно взволновали её. Его же взор устремлялся на её руки, чтобы не встречаться с её заметным осуждением. Он стоял и молчал. Лиза не вытерпела и возмутилась:

– Вы остановили меня, чтобы стоять, как статуя передо мной? Ну, я могу и получше найти. В вас нет ничего интересного.

Столько лукавства Лиза никому не выговаривала, и её щеки слегка покраснели.

– А вы за словом в карман не лезете. – В его голосе улавливалась обида. – Я хотел пригласить вас на чашечку кофе.

– А с чего бы мне соглашаться на свидание?

Он покачал головой, а Лиза против своей натуры не могла оторваться. Что-то влекло её к нему. Никогда с ней не происходило что-то подобное.

– Это не свидание, вы что. Так, давно не общался с человеком, интересующимся картинами, да ещё и с такой страстью.

Лиза удивлённо посмотрела на него, а потом её взгляд переметнулся в сторону посетителей. Мужчина понял её озадаченность.

– А, ну то просто любители скупать картину за немалые деньги. Никто из них не разбирается в живописи. Покупают то, что модно.

– А для человека, который усердно защищал мазню путём унижения настоящего искусства, вы не последовательны в своих словах.

Тому явно не хотелось продолжать тему его противоречивости на входе, тем более на сладкую парочку косились несколько человек в зале. «Да уж, – подумала Лиза, – только любители станут отвлекаться с целью поглазеть на беседующих мужчину и женщину. Вуайеристы¹¹ – вот кто они!».

– Так поэтому я и приглашаю вас на кофе, чтобы поведать о своих взглядах. Только один раз, хорошо?

Лиза хотела задеть его отказом, только вместо этого она назвала подходящее для неё время, на что тот согласился, не выражая никакого протеста или просьбы перенести на другой день. С его стороны оставался выбор за местом встречи. Они попрощались, согласившись не называть друг другу свои имени под предлогом, что для этого будет более подходящий повод.

За время до «икс», а это занимало пять дней от знакомства до встречи, Лиза перестала владеть собой. Со стороны она оставалась всё такой же, но в душе и мыслях она едва находила

¹¹ Вуайеристы – люди, которые поддаются побуждению наблюдать за интимными процессами, вроде сексуальных контактов. Вуайеризм считается отклонением.

себе места. Ей было неведомо новое чувство. Нравился он ей? Несмотря на его вызывающую точку зрения, он был ей симпатичен. Правда, она мало знала его, чтобы решить для себя окончательно вопрос касательно симпатии. Да, внешне и голосом он цеплял её.

Выбранное им кафе не входило в число тех, которые Лиза хоть раз посещала. Поэтому она не была полностью уверена в том, что сидит в правильном месте, а того всё ещё не было. Он пока не опаздывал, просто Лизе не терпелось явиться на место встречи, и она пришла на двадцать минут раньше. Пока его не было, она глядела в окно, возле которого находился облюбованный ей столик. Там галдели чайки, кружась над океанским бескрайним простором. На поверхности синей глади отражались яркие солнечные лучи, от чего невольно зажмуриваются глаза. В самом кафе и на террасе было шумно: народ собрался здесь после (а то вместо) своих ежедневных обязанностей. Так что, то и дело Лиза отрывалась от окна и глядела на посетителей. Ничего необычного, но сойдёт, чтобы скоротать время за наблюдением.

Он появился на входе, когда шла седьмая минута от назначенного времени. Любящая пунктуальность Лиза внутренне напряглась. Почему она вообще решила, что следовало с ним продолжить общение. Безусловно, он завораживал своими внешними достоинствами, но пока что их миры слабо пересекались.

– О, уже распиваем кофе без меня? – начал он, не удостоив девушку ни приветствием ни извинениям. Приземлившись, заказал себе бутылку сидра.

Лиза сделала вид, что поглощена распитием своего напитка, уже порядком остывшего, и не смотрела на него. За этим невежливым жестом стояло твёрдое решение показать ему, что ей не понравилось его отношение к тому, что так дорого стоило. Время для неё было дороже всех драгоценностей мира, и никому не позволялось злоупотреблять терпением. Обычно она выговаривала вслух свои претензии, но с этим мужчиной всё начинало идти по другому руслу.

– Что ж, меня зовут Симон. – продолжил он беспечным тоном, словно, не замечая, какой эффект произвело его опоздание.

– А меня – Лиза.

– Красивое имя. Прямо как у той, о которой вы говорили.

Лиза наконец отставила в сторону пустую чашку. Она сложила руки на столе, в упор глядя на Симона.

– Симон, так вы всерьёз это?

– «Всерьёз» что?

– Всерьёз считаете, что выставленное в зале вашей галереи достойно вписаться в один ряд с шедеврами Микеланджело, Рубенса, Ван Гога?

На лице Симона появилась задумчивость, однако чёртики в глазах давали основание сомневаться в том, что он размышляет над заданным вопросом.

– Если честно, то нет. Я всего лишь владелец, точнее совладелец. Мне не приходится выбирать, что показывать народу. Они покупают, значит, спрос есть. А те художники, о которых вы говорите – их картины висят в музеях. Так что не понимаю, о чём мы можем спорить. Вы же не ходите на рок-концерты, чтобы рассказывать о достоинствах классической музыки?

Лиза не была готова сдаться. В её душе царило то возмущение, свойственно ценителям настоящего искусства.

– Не передёргивайте! Вот зачем идти на поводу у масс? Почему не прививать народу вкус к более сложной живописи?

Симон будто не готовился к тому, что ему действительно придётся касаться этой темы. Ему была интересна сама девушка с её ещё неизученным характером. Она походила на тех красавиц с картин девятнадцатого века, которые он видел в специализированной книге. Его интерес к ней только усиливался, даже несмотря на её стремление завершить спор в свою пользу.

– Это как с музыкой. Есть настоящая, которую играют на инструментах целыми оркестрами, а есть... ну, для масс. Никто не выразит восторг, если его станут пичкать изо всех

щелей лишь увертюрами и лунной сонатой. Вы же не заслушиваетесь Моцартом¹², кривя носом от современных исполнителей? Так и с чего мне навязывать кому-то то, что вы считаете истинной живописью?

Оппонентка опешила, но тут же отпарировала:

– Сравнили кислое с мягким.

– А по-моему, как раз я попал в цель. А теперь если вы не против, то давайте поговорим о чём-то более приземлённом. То, что вы – Лиза и вы увлекаетесь историей истинной живописи – я уже осведомлен. А ещё вы красивая, но вам наверное это постоянно твердят.

– На этот раз вы совершенно правы. А я знаю о вас, что ваше имя Симон и вы совладелец. Кстати, а как так получилось?

– Хм, я думал, вы продолжите нить восхвалением моей внешности. – Симон улыбнулся так, что возле глаз собрались «утиные лапки», которые неохотно разглаживались. – Раньше я работал на обычной работе, но после развода решил, что хочу сменить деятельность. А тут мой близкий друг зачем-то приобретал галерею. Он предложил мне долю, и я согласился, хотя ничего в этом не понимал. Да и сейчас не понимаю, если взять во внимание вашу критику на мои замечания. Но теперь я практически один занимаюсь нашим неблагодарным делом, так что могу посчитать себя полноправным хозяином.

– А тот друг что? Просто так взял и вам отдал на попечение общее дело?

– Да. Ему просто нравится всё скупать, а потом отдавать бразды управления в чужие руки. Вот сейчас у него в планах вложиться в космическую гостиницу. В общем, он чистой воды бизнесмен, не то что я.

Лиза помешивала ложкой в пустой чашке, стыдясь своей предвзятости. А ещё её сердце сжалось от ревности, когда упоминался развод. У неё никогда не было никого, и ей доставляло удовольствие думать о том, что она не первая. «Да я что в самом деле? Общаюсь с ним во второй раз, а уже тороплю события!», – укоряла она себя, не убирая взгляда от собеседника.

– А вы как докатились до такой жизни, что теперь сидите со мной здесь?

Она сделала глубокий вдох, будто ей предстояло выступить перед целой оравой, жаждущей загрызть незадачливого оратора.

– Про меня говорят, что родилась со серебряной ложкой во рту, но материальные ценности меня всегда мало волновали. Окончила престижную закрытую школу. Вот недавно поступила на факультет по изучению истории, сами понимаете, чего. А так больше нечего рассказывать. Ваша жизнь представляет больше интереса, я так полагаю из услышанного от вас.

– Так вам нет и двадцати?

– Мне 18. А вам?

– Прибавьте 11 и будет вам ответ.

Да, Лиза теперь отчётливо понимала, что у него больше жизненного опыта. И возможно, для него она была девочкой, которая смешно топает ножкой, если с ней начинают яро спорить. Далёкие миры отдались ещё больше.

За воспоминаниями Лиза не заметила, как подошёл к концу сбор картин. Теперь ей оставалось сначала освободить подсобное помещение от спрятанных набросков, чтобы можно было занести снятое.

Заболели конечности от постоянных перебежек туда-сюда, а ещё и спина, так как некоторые художники помимо фантазии не жалели и размера полотен. Несколько штук были ростом с неё, от чего она жалела, что не наняла бригаду, что сэкономило бы и время. А администратор сегодня не вышла; сказала, что приболела.

Наконец-то, с подсобной комнатой покончено, и Лиза отдохнув немного, приступила к развешиванию обнаруженных картин, готовых обратить на себя внимание.

¹² Вольфганг Амадей Моцарт (27 января 1756 – 5 декабря 1791) – австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

Ей пришлось бороться с нарастающим нытьём в теле, вдобавок в горле пересохло, но она твердо для себя решила, что пока не закончит – не станет давать себе поблажку.

Всё, последняя картина тоже гордо висит на белой стене. На ней было нарисовано нечто inferнальное: длинноволосая блондинка в белом длинном платье убегает по крышам от стаи летучих мышей, парящихся в красном небе. Относительно правильно нарисованное лицо выражало испуг. Волосы развевались по ветру, а руки прижимались к груди. Глаза мышей кроваво-красно светились пламенным светом, направленного на девушку.

Затем Лиза посмотрела на наручные часы со старомодным циферблатом со стрелками и цифрами. Без двадцати одиннадцать. Неужели вся работа заняла у неё почти пять часов? Слишком много драгоценного времени ушло непонятно куда, когда как дома Симон ждёт её. Каждая минута сочтена, а она поддаётся ненужным размышлениям и воспоминаниям.

Симона она застала сладко спящим. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Лиза бесшумно прошла в ванную комнату, где переоделась в пижаму и умылась. Спать ей не особо хотелось, потому что ей овладел мандраж перед завтрашним днём.

К её огромному удивлению, выставка прошла гладко. Народу было предостаточно, поскольку на дворе стояла суббота.

Появились даже желающие приобрести несколько картин. Кто-то спросил, чьей кисти эти работы, на что Лиза замешкалась. Симон, давая поручение, не сказал о том, какому автору они принадлежат. Она знала, что следовало под картинами указывать название и имя художника. Ей хотелось себя отругать за допущенный промах. Как можно было так напортачить уже на первом пункте?

– Я могу уточнить по телефону, подождите.

– Артур Пинелли. – Ответил Симон. Девушка не могла понять по его тону реакции на новость об успешно проведённой выставке. Настолько он быстро и сухо разговаривал, показывая нежелание висеть на телефоне.

Информации о некоем Пинелли в интернете не находилось. А Симон отказывался раскрывать личность автора, отвечая тем, что тот выразил желание остаться анонимом.

Тем не менее общество из ценителей живописи было серьёзно взбудоражено появлением работ неизвестного художника. Пусть это проявлялось больше в тщательном изучении во время визитов в галерею. Однако народу иногда набивалось слишком много, из-за чего многие едва ли могли посмотреть картины. Лизу радовал этот ажиотаж, да и глаза Симона выдавали хорошо скрывающуюся радость.

Удачно избавившись от груза из картин, Симон обратил внимание Лизы на свою скромную коллекцию из книг и пластинок. Девушку несколько опечалило, что Симон решил избавиться от них, хоть тому было суждено случиться. Ведь не раз ей доводилось убеждаться в том, что они ему дороги. Слышать от него многочасовые лекции о прочитанном – стало одной из её слабостей. Именно благодаря ему она прекрасно знала о содержании многих классических произведений, даже не ни разу не прочитав ни страницы. А пластинки Лиза и так слушала, и столь неактуальные песни особенно трогали за душу.

– Лиза, не витай в облаках! – нетерпеливо проворчал Симон с пластинкой «Странный случай в космосе¹³» в руках, когда заметил, что та не слушает его. – Я хочу знать точно, что пластинки будут в надёжных руках.

С таких же успехом он мог бы желать видеть воочию мамонта.

Лизе, конечно, хотелось забрать всё себе, но многое из этого не грело ей душу. Но всё же прихватила с собой десяток книг, написанных в начале двадцатого века и пару пластинок с песнями из того же столетия, не понимая, зачем они ей нужны. Они не имели для неё особого значения без Симона. Да и проигрыватель она не рискнула бы взять; от него веяло прошлым.

¹³ Одна из знаменитых песен Дэвида Боуи, написанная в 1969 году.

Симон мог бы обидеться, что Лиза не проявляет никакого воодушевления. Однако ему было ясно, что любительница сомнительных концертов, не станет бережно относиться к таким редким вещам. Отдать Лизе – означало в равной степени то же, что и выбросить на мусор среди белого дня.

Вдобавок в нём зрела пышным цветом обида из-за лотереи, где из него возможно сделают двойника. Упрямство Симона поражало даже его самого. Ведь он постоянно кому-то во многом уступал, даже вопреки своему нежеланию. Но не в этот раз. Была ли тому причиной грядущая кончина – никто не знал, но Симон действительно начинал меняться характером. Для окружающих, особенно для Лизы, – в худшую сторону.

До Лизы неохотно доходило, что скоро его не станет. Для неё это было смутной плохой перспективой, когда любимый стоит рядом и любовно гладит обложку на виниловой пластинке. Как можно представлять себе, что человека вот-вот не станет? Поэтому она не относилась к вопросу пристраивания вещей должным образом. В глубине души теплилась надежда, что вот-вот что-то случится, и Симона можно будет избавить от коварной болезни, тащившей его в могилу.

Вопреки здоровому скептицизму Лизы, на объявления о продаже книг, техники и пластинок откликнулось довольно много людей. Симон сам выбирал, кому отдавать предпочтение: для чего приглашал к себе домой, где устраивал чуть ли не строгий кастинг. Лиза часто сидела рядом с ним и видела собственными глазами эту абсурдную картину. Изумление росло и тогда, когда в конце наградой для желающих обрести ценный экземпляр творческого труда была копеечная цена. Ещё после первого такого раза больной объяснил девушке логику своих действий:

– Деньги мне ни к чему. А отдавать бесплатно – значит, лишиться осязаемой ценности вещи. Так что, это своего рода компромисс.

Однако для Лизы это звучало так глупо, только виду не подавала. Ведь это его дело, а она должна поддерживать любимого во всех намерениях.

Так потихоньку большая квартира Симона опустошалась от многих дорогих ему вещей. Даже мебель и то ушла в чужие руки. Оставалось лишь необходимое: кровать в спальне, несколько кресел и диван в гостиной. Даже любимая гитара повторила участь пластинок. Лизе становилось не по себе, когда она заходила в жильё Симона. Былого уюта – вот чего здесь не осталось. И глядя на пустые стены, она не могла избавиться от навязчивых мыслей о том, что и владелец скоро покинет её. «Её» – речь шла не только о квартире.

В собственный дом девушка возвращалась лишь по особым причинам; в остальное время она скрашивала будни Симону. В глазах того постепенно затухал огонь. Ему слишком тяжело далось решение напоследок решить многие дела. Однако теперь ничто не могло отвести его от тяжких дум о неизбежном. Лиза всячески старалась отвлечь его от гнетущего настроения, но это удавалось ей с горем пополам. Симон снисходительно улыбался, но она прекрасно видела, что он лжёт.

И когда они сидели посреди пустой гостиной, она не выдержала, когда Симон не засмеялся от рассказанной шутки. Он словно вообще не слышал никого.

– Да что с тобой? Из-за пластинок ты так горюешь?

Симон побледнел, насколько это было возможно в его положении: он не выходил на улицу с того времени, как болезнь дала о себе знать. Загорелая кожа стала жёлтой и сухой, как пергаментная бумага.

– А ты полагаешь, что мне стоит радоваться?

– Так нечего было раздавать! Я бы положила... – и Лиза запнулась, едва успев одуматься.

Но Симон уже выходил из себя.

– Да? Договаривай? Куда бы ты их положила? В гроб?

– Симон, забудь! Я вовсе не это хотела сказать!

– А что ты хотела сказать? Нет, ты не отвертисься!

Лиза, замечая, как захватывает дыхание у Симона, желала лишь одного: вернуть время вспять.

– Я хотела только спросить, почему ты поторопился. Может, произойдёт чудо...

Ладони Симона скрыли его лицо: сначала могло показаться, что у него катятся слёзы, но Лиза услышала глухой нервный хохот.

– Какая же ты дуручка, – бормотал он сквозь руки, – неужели до тебя не дошло? Я умираю, и пора с этим смириться. Почему ты такая непробиваемая? Мне и так тяжело. Я просыпаюсь каждое утро, и сразу же вспоминаю, что дни – сочтены. Каждый раз. Когда мои глаза закрываются – возникает мысль: а проснусь ли я завтра? Моё тело ещё не приковано к кровати, но я уже живой труп. Морально я умираю куда быстрее, и столько сил мне стоит, чтобы слушать твои глупости о каких-то людях. Но больше всего меня добивает, что ты продолжаешь ждать изобретение могущественной пилюли, которая избавила бы меня от рака. Глядя в твои глаза, я ощущаю себя последним негодяем, что заставляю мою любимую глупышку верить в сказки, и страдать. Но вера в нереальное куда страшнее. – Симон наконец открыл своё лицо. Глаза были влажными от слёз. – Поэтому я прошу тебя: прекрати тешить себя подобными надеждами. Ты же сама себе хуже делаешь!

Лиза слушала внезапную тираду с тяжестью в сердце. Ей хотелось броситься к Симону, уверить, что он зря прощается с жизнью. Но в горле встал большой ком, и даже глотать было трудно, не то что говорить.

– Поскольку я на тебе не женился, о чём горько жалею, то всё моё добро отправится напрямую в руки Елены. А этого я меньше всего хочу. Поэтому я не стал ждать худшего и избавился от всего, чтобы умереть спокойно. Звучит, конечно, довольно по-детски, но считай это моей причудой.

Слышать, что любовь всей жизни не сделал предложение руки и сердца и сожалеет об этом – звучало для Лизы грустной балладой. Никто из них никогда не заикался на тему брака, а теперь оказывается, Симон хотел этого.

– Не стоит терзаться сожалениями. – Спокойно ответила Лиза, хотя ей хотелось убедить его, что ещё не поздно. Умом она понимала, что Симон никогда не согласится на свадьбу, чтобы новобрачная тут же стала вдовой. – Я считаю, что брак – удел прошлого, а я за будущее. И прости мне, что я не оказываю тебе должной поддержки. Тебе так тяжело, а я только подливаю масла в огонь.

Симон со вздохом снова сел возле Лизы, чтобы обнять. Столько лжи она ещё никогда не говорила, и он был благодарен за это.

– Спасибо, что ты рядом со мной, даже несмотря на мой испортившийся характер.

– А что, он и в самом деле изменился в худшую сторону? – захлопала глазами Лиза, – а я и не заметила.

Широкая улыбка озарила почти что безжизненное лицо Симона.

– Как же я люблю тебя!

Глава 7

Наступила четвёртая неделя после того, как Симона настигло непосильное недомогание. По стеклу барабанил проливной дождь, перебивая шум от надоедливой не прекращающего гула машин внизу. Пятый день небо укрывалось серым покрывалом, сквозь которое солнце неохотно и редко выглядывало на несколько секунд. Под потолком кружили мухи. Сплошная тоска.

Лиза постоянно и подолгу смотрела в окно, сидя в кресле, придвинутого к кровати, на которой беспробудно спал пятый час Симон. Он уже почти не бодрствовал. Чуткий сон смеялся на него же, под влиянием обезболивающего. Оно мало ему помогало, и если бы не присутствие рядом девушки, он определённо попросил бы смертельную дозу. Становилось ясно, что тот худший момент неуклонно приближался. В мужчине, чья голова тонула в подушках в шелковых наволочках, нельзя было узнать того, кто недавно бодро вышагивал по проспекту, строя смелые планы на будущее.

В гостиной спала сиделка, так как она жила слишком далеко, чтобы по несколько раз на день мотаться туда-сюда, поэтому было принято решение дать ей здесь временное жилье. Естественно, за приличное вознаграждение, которое с лихвой окупало её тоску по родным стенам и двоим детям-подросткам. К тому же, Лизе не позволялось ставить инъекции. Да и делать кучу малоприятных вещей ей не сильно хотелось. В общем, медсестра – вынужденная роскошь.

Та, что не спала, высматривала что-то своё воображаемое в тучах. Несмотря на то, что она свыклась с мыслью о неизбежной кончине Симона, она не могла лишней раз смотреть на него. Постоянно в голове всплывал тот, кто обладал пышущим здоровьем. И от такого резкого контраста хотелось сойти с ума. Тот, прежний и нынешний – никак не могли быть одним и тем же человеком.

«Поскорее бы это закончилось» – устало подумала она и тут же отругала себя за подобные мысли. Как она может желать ему умереть как можно быстрее? Её пронзил укол совести. Бледные щеки пылали, и она посмотрела на Симона. Нет, это в ней говорило сильное переутомление, а не желание отвязаться от живого трупа, теряющего свой облик день за днём.

Как раз в этот момент он открыл свои потухшие глаза. Их взгляды встретились, и Лиза ещё больше залилась краской. Как она могла? Это же любовь всей её жизни, который родился не под счастливой звездой. Его губы зашевелились, но изо рта вылетали слова, которых едва можно было расслышать. Лиза упала на колени и прислонилась к нему, чтобы лучше услышать то, что он хотел вымолвить.

– Лиза, ты не передумала?

Сначала она не поняла, о чём шла речь. Поэтому она уставилась с немим вопросом. Но Симону, казалось, не требовался ответ.

– Знаешь, я теперь не против.

После этого он скорчил гримасу, так знакомую Лизе за время его постельного заточения. Приступ невыносимой боли, отбивающей всякую волю жить дальше, даже у самого отчаянного жизнелюба. Она выбежала в гостиную и разбудила сиделку. Женщина моментально встала, словно она просто лежала. Между ними не требовалось никаких слов; они редко переговаривались между собой, и то всегда касаясь лишь ухудшающегося состояния Симона. Снова укол, после которого Симон слабо улыбнулся и впал в спячку.

И вновь все вернулись на свои места. Отучившись в кресле, с опозданием Лиза вспомнила о лотерее. На её лице невольно возникла усмешка. Из-за этой лотереи они ругались, а теперь он даёт добро, хотя всё давно решено за него. После смерти от него возьмут небольшой образец кожи для того, чтобы вырастить из биоматериала клона. Какой же глупостью показала Лизе эта затея. Наверное, она сто раз передумает, пока она в случае выигрыша получит

двойника. А если нет? В любом случае, глядя на умирающего, Лиза осознавала, что никто его не заменит, даже полностью идентичный мужчина.

Через несколько часов в спальне бесшумно возникла медсестра. Она меняла бутылочки и украдкой смотрела на патию пациента. Заметив застывшую усмешку, она отметила про себя, что та странно себя ведёт. Но ничего не сказала и покинула спальню. На своём обширном медицинском веку ей и не такое приходилось видеть.

Спроси она Лизу о причине усмешки, то услышала бы, как та смеётся со своей наивной мысли о возможности заполнить будущую дыру другим камешком. Лиза была слишком погружена в размышления, чтобы замечать пристальные взгляды медсестры. Сестра служила здесь роль тени, не больше.

То желаемое разрешение оказалось последним разом, который исходил из ясного ума. Больше Симон ничего не говорил, лишь стонал. А иногда из его горла вырывался душераздирающий гортанный рык. Усугубившее состояние подкреплялось пустым взглядом, блуждающего по потолку. Даже обезболивающее, доза которого увеличивалась, не приносило ему избавление от пыток. Само тело, с которым он родился, с упрямством выбивало из него желание жить. Смерть, столь пугавшая его, превратилась в желанный трофей. Он не мог заставить себя заговорить об эвтаназии. Не только потому что не хотел причинять Лизе боль, столько потому что речь стала ему неподвластной.

Руки, будто принадлежавшие узнику, сжимали из без того изрядно помятую простыню. Глаза закатывались и блуждали, не видя ничего вокруг себя. Слух не улавливал ничего. Для внешнего мира он стал глух, нем и слеп. Только боль владела им. У него не было сил даже думать. Лишь бы умереть. Освободиться от пут рака, которому меньше всего присуще милосердие.

Лиза держала его руку и стоически переживала его агонию, наступившую через два дня после последнего приступа ясного разума. Стояла дата – 23 сентября. Ровно три месяца назад ему исполнилось 30 лет, и тогда он ещё не знал, что это его последний день рождения.

К тому часу он давно не засыпал, поскольку его тело подвергалось последним мучениям. Каждый раз становился для него всё более изощренное и невыносимее. Каждая клеточка погибала, подарив перед этим целую гамму тех ощущений, от которых волосы вставали дыбом. В глазах всё потемнело, и теперь Симон остался полностью один на растерзании безжалостным демонам, имя которым метастазы. Поскорее бы всё кончилось.

В 6 вечера Симон издал оглушающий своим ужасом вопль. И потом комната наполнилась тишиной, столь гнетущей, что казалось, что мир остановился. Находившая всё это время рядом с умершим сиделка сухо констатировала смерть. Но Лиза не слышала её беспристрастного голоса. Всё её внимание уделялось успокоившему лицу Симона. Он освободился от мирских грёз, но больше – от адских истязаний. Пленник покинул тюрьму, коим было его тело. Теперь истощённое тело с покинувшей его душой не представляло собой того человека, которого она так любила.

Лиза наклонилась и поцеловала в едва тёплые губы, прошептав:

– Прощай.

После этого она упала в своё кресло и уснула тяжёлым сном. Всё кончилось. Или всё только начиналось?

Медсестра сновала по квартире, вызывая медицинскую бригаду и полицию. Тело предстояло приготовить в последний путь, но Лиза ничего из этого не видела. Ей снился живой здоровый Симон, который обнимал её на вершине горы.

Глава 8

Стоя в крематории, Лиза, одетая в костюм из жакета и юбки до колен традиционного чёрного цвета, чувствовала себя не иначе как человеком второго сорта, если не десятого. Нет, родственники со стороны Симона не препятствовали её присутствию, но для них она была не более, чем очередной пассией умершего, которая хоть и провела последние дни с ним. Такое самопожертвование не имело значение.

Нельзя сказать, что ей так хотелось стоять среди незнакомых и нерасположенных к ней людей. Лучше бы их вообще не было. Но она не смогла бы простить себе, что окончательно не проводила Симона из сего мира. Добровольное заточение рядом с ним в худшие минуты вряд ли можно считать достаточным, чтобы не прийти на похороны.

Больше всего неблагоприятная аура исходила со стороны бывшей жены. Она на пару с четырехлетним ребёнком не выражали к ней хотя бы нейтрального отношения. Наоборот, женщина, увидев её, скривила свои губы, накрашенные алой помадой, в презрительной усмешке. Красивое, но испоганенное гримасой высокомерия, лицо не смягчилось, когда Лиза подошла к ней и вежливо поздоровалась. Не ответив, та отвернулась как будто не заметила этого. Краска залила лицо бедной девушки, настолько её поразило презрение от незнакомой особы. Такое поведение как бы говорило без обиняков: «Будь моя воля, я бы вышвырнула тебя отсюда как бродячую шавку». Так Лизу ещё никогда не унижали, чтобы ещё и на глазах многочисленного народа, пришедшего проститься.

Сын внешне пошёл в мать, и судя по их же такому выражению лица, ещё и внутренне подобрал в себя её качества. Яблоко от яблони недалеко упало. Неужели такой ребёнок должен продолжить род Симона?

Лиза знала, что Симон развёлся со своей женой лишь два года назад. Он не изменял, не рукоприкладствовал, не причинял какие-либо проблемы, в том числе финансовые. Инициатором выступила Елена, заявив, что влюбилась в другого мужчину, забрав с собой сына, не удостаивая мужа выбора; за него уже все решили, ему оставалось смириться и дать согласие на развод. Суд хоть и назначил совместную опеку, но Симон ребёнка видел довольно редко.

Естественно, это была точка зрения с его стороны, объективной правды о семейных скелетах Лизе не дано узнать. Да и стоит ли? Он всё равно умер, но оставив её с хорошими воспоминаниями. Прошлые отношения Лизу совершенно не касаются.

Однако атмосфера в зале прощания накалялась, и не только потому что этому месту так полагалось. Несмотря на внешнее спокойствие Лизы, всё же отношение прошлой семьи задевало, вызывая желание сбежать подальше от них. Сын Симона постоянно оборачивался в её сторону, бросая злые взгляды. Девушка не могла их не замечать, как так её место было сзади через одно сидение. Лиза под действием бросаемых взглядов постоянно теряла нить пламенных прощальных монологов от друзей и родственников.

Она думала о причине ненависти к своей персоне. Она не уводила никого из семьи, не претендует на наследство, не науськивала против бывшей семьи. Если ей оказывают такой «тёплый» приём из-за того, что она посмела явиться сюда, то она имеет право присутствовать на похоронной процессии. Ведь именно на её долю выпало самое сложное: наблюдать за тем, как человек завершает свой жизненный путь, претерпевая страдания, которые не пожелаешь и врагу. Жена была с Симоном в минуты радости, то она – в минуты горя. Отнюдь не равносильные ситуации.

А бывшая что? Получит приличное состояние, как мать единственного наследника. Неужели ей этого мало? Почему она не сдерживает своей презрительной ухмылки, бросая оценивающий взгляд на Лизу?

Присмотревшись к мальчику, Лиза не без содрогания поняла, что сын уже перенял материнские замашки, и смотрел на всех исподлобья, так что не только ей было суждено пасть его жертвой. Иногда он порывался капризничать, но мать тут же осаждала его шлепком по голове. Лиза мысленно бросалась возмущаться, но останавливалась, так как предусматривала ответ, что она сует свой нос в чужие дела. И это будет чистая правда.

Лиза не сразу поняла, что вызывают её. Рядом сидящему с ней седовласому мужчине пришлось её подтолкнуть.

– Девушка, ваш черёд читать прощальный монолог.

Сердце бешено колотилось о ребра, ноги наливались свинцом, ладони потели... Если бы Лиза упала по пути к кафедре на сцене, то это можно было бы объяснить мандражем из-за взора сидящих в зале. Возле сцены на стойке стоял ряд из нескольких фотопортретов с изображением Симона. Везде улыбающийся, а на одной – с Еленой и сыном. «Какая нелепость!» – решила про себя Лиза.

Руки охладели и не слушали, когда Лиза доставала из кармана жакета листочек. Время, пока она разглаживала его, словно лениво текло.

Раскрыв рот, она ощутила прилив жара. Голос зазвучал так глухо и прерывисто, что ей стало казаться, что он принадлежит не ей, а кому-то совершенно чужому. Благо, из глаз не потекли слезы из-за пронизательных строчек, написанных собственной рукой. Во время чтения Лиза старалась не смотреть в сторону Елены, но кожей она чувствовала, та как прожигает её взглядом насквозь. Кое-как закончив выступление, прошедшее как в тумане, Лиза осторожно спустилась прочь со сцены, на которую поднимались очередные незнакомые ей люди. Судя по их речи, Симон имел большое значение в их жизни.

Елена вышла последней, как бы удостоившая чести закрыть церемонию прощания, точнее его первую часть. Вторая должна продолжиться за столом, где у всех снова появится шанс помянуть покойного, чей прах уместился в фаянсовую ёмкость.

Сына Елена поручила некой немолодой женщине. То была свекровь Симона, ранее отделавшаяся кратким монологом. За непроницаемым лицом угадывалась боль. Её глубоко посаженные глаза смотрели на фото, словно стараясь таким образом вернуть скончавшегося прежде времени бывшего мужа дочери. Лизу несколько озадачило, что она была очень расположена к чужому человеку, хоть и к отцу внука.

Внук крутился на стуле рядом с ней, но она крепко его держала одной рукой. К облегчению многих, Елена не стала долго разглагольствовать о Симоне. Суть речи сводилась к тому, что она благодарна ему за сына и несколько лет брака. Сухая интонация противоречила её словам, но никто не подал виду, что смущён или удивлён.

Выйдя из зала в яркий солнечный полдень, большинство последовало в другой зал. Там столы ломились от лёгких яств и крепких напитков. Стояла невыносимая тишина, но вскоре помещение заполнилось тихими голосами. Многие говорили о Симоне, воздавая ему честь и сожаление.

Лиза никого не знала из собравшихся, если отбросить Елену с мальчиком. Симон никогда не представлял свою последнюю даму сердца близкому кругу, утверждая, что его личная жизнь не касается никого. Разве что нескольким приятелям, но их нигде не было видно. Большая часть скорбящих не старше Симона, но хватало среди них и пожилых личностей. Один из последних заметил бледнеющую и краснеющую девушку у стены, чьи рыжие волосы не выбивались из высокого пучка.

– Здравствуйте. Я – бывший коллега Симона.

– А я – его... девушка.

Она едва произнесла свой статус в жизни умершего, словно признавалась в убийстве беззащитного. В очередной раз она поймала себя на мысли, что здесь она – никто, особенно

на фоне Елены. Та хоть делала вид, что не замечает Лизу, однако изредка бросала испепеляющий взгляд, пока никто не видел.

Церемония прощания превратилась в прилюдную казнь. Однако Лиза держалась, не выдавая, что её задевает происходящее. Важно ли, что думают другие, когда умерла любовь всей её жизни?

– Да, я много о вас слышал. – Доброжелательно отвечал незнакомый мужчина, явно испытывавший симпатию. – До меня дошла информация, что последние часы жизни Симон провёл с вами. Уверен, что ваше присутствие имело для него облегчающее действие.

Девушка ничего не ответила, вспомнив, как умирал Симон. Его агонию, стойкость к боли, нежелание сдаваться болезни. Незажившая рана на сердце вновь открылась, истекая кровью. Лизе пришлось бороться с желанием упасть на пол и рыдать, прямо при всех. «Надо держать лицо» – уговаривала она саму себя. Ведь не ей одной плохо, ведь были среди присутствующих, которых смерть Симона задела не меньше.

Так за день мимо неё прошла куча народа, и она через силу отвечала им невпопад, желая поскорее уйти отсюда.

Елена с той женщиной по-прежнему восседала во главе у стола. Они принимали соболезнования с непроницаемыми масками. Мальчик сидел и уплетал молча десерт. Отца он толком не помнил, так что в карих буравчатых глазах не мелькало ни тени понимания, что он лишился его навсегда. Заслуживал ли Симон такого исхода?

Прах по праву ушёл к той, которой в своё время удалось окольцевать Симона. Лиза поймала себя на мысли, что так нечестно по отношению к ней. Она любила его со всей искренностью, и вполне смогла бы поступить с прахом, как просил её Симон.

– Развей его на лодке в океане. Мне кажется, это лучший способ сказать миру «прощай» от моего имени.

Этому дню суждено стать куда худшим, чем тот, когда Симон испустил последний вдох.

Глава 9

После изматывающих похорон Лизу словно накрыло: эмоциональная стойкость – столь важная вещь при прощании с покойником, рухнула навзничь. Для этого не пришлось даже ступить порога своей квартиры: она пустила первую слезу, будучи в машине такси. Свою она и не брала до крематория, посчитав, что не сумеет ей управлять.

Придя домой и не раздеваясь, она упала на свою кровать, уткнувшись носом в подушку, которую изредка облюбовывал Симон, когда оставался у неё на ночь. Несмотря на стирку, она чувствовала его аромат. Аромат туалетной воды и пота. Или ей только казалось? Невыносимо думать о том, что его голос, мелодичный смех, запах – рано или поздно сотрутся из её памяти. Всё, что ей осталось от него – это бесчисленные фото и подарки, а также несколько картин, которые она купила под видом анонимного покупателя, не в силах отдавать их чужим людям, хоть и не за малые деньги. Однако они все не могли её утешить. Она отдала бы всё, чтобы вернуть Симона, даже свою жизнь. Ей ничего не надо без него. Она несколько не пресытилась им, чтобы так спокойно отпускать его навечно.

Затем до нынешнего дня она могла видеть Симона воочию. Даже мёртвым он казался ей реальным. Всё производило впечатление того, что он просто играет роль бесчувственного. Сейчас ему надоест, и он встанет, как ни в чём не бывало, заявив, что розыгрыши иногда разведают скуку.

Гроб с его телом укатился в логово большой печи, полную огня. Огонь, у которого нет никаких чувств, лишь бы сожрать в своих языках что-нибудь да поскорее. Никто не способен вернуться оттуда, чем-то иным кроме праха. Люди когда-то хоронили умерших в могильных ямах, но теперь каждый квадратный метр занимался под жильё или место, приносящее пользу. Кладбища исчезли, лишив даже призрачного, но осязаемого присутствия покойника, к которому можно прийти и посидеть рядом с надгробием. Пусть его жрали черви, но оставались кости... А теперь пыль кучка праха, который или развевай или держи в посудине. У Лизы не было даже того, что несколько дней назад было Симоном. Неизвестно, как поступит Елена. Будет неудивительно, если она поставит подальше от глаз.

Лизу обдавало неприятным холодом с головы до пят. Его теперь точно нет. Его ноги больше не станут топтать асфальтовые дорожки прибрежного мегаполиса. Глаза не станут улавливать мимолётные явления вроде падающей звезды. Никаких шуток, никаких разговоров о средневековой живописи или кубизме¹⁴. Остались лишь воспоминания, которым свойственно стираться под влиянием времени. Когда как полно тех, кто более достойны постигшей его участи.

Пока Симон страдал в предсмертных муках, Лиза потихоньку свыкалась с монотонным существованием, где радости совершенно не осталось. Она желала ему избавления. Жаль, что оно оказалось именно таким.

Дурная атмосфера на прощальной церемонии послужила последним толчком к тому, чтобы она истратила все силы на самообладание. «Да пошло оно всё к черту!» – рыдала она в подушку, махнув на себя и окружающих. В душе Лизы зияла огромная пустота. Всё, что любимо ей – потеряло для неё мало мальское значение. Даже собственная жизнь стала для неё тяжким бременем, лишённое смысла. Мысль о самоубийстве уже не казалась безумной, но спасительной. Мёртвой ей будет уже всё равно; даже самая чудовищная боль и пустота не сумеет

¹⁴ Кубизм (фр. Cubisme) – модернистское направление в живописи, зародившееся в начале XX столетия во Франции. В основе лежит стремление разложить изображаемый трёхмерный объект на простые элементы и собрать его на холсте в двумерном изображении.

займать над ней власть. Сократить время до встречи с Симоном. Там уже никому не удастся их разлучить.

Однако истерическая эйфория так же быстро улетучилась, как и наступила. Лиза не верила в никаких богов, однако ей не хотелось попасть в ад, где не будет ЕГО. Симон обязательно попал в рай, иначе быть не могло. А она возьмёт и всё перечеркнёт.

– Дожила! – смеялась она, раскачиваясь туловищем вперёд-назад. – О чём я только думаю! Рай!

Безумный смех сменялся очередной волной горьких слез и наоборот, и так несколько раз. После припадка она уснула тревожным сном, где всплывали кадры из пережитого дня похорон. Бывшая жена особенно часто давала о себе знать, чей взгляд попал в подсознание и крепко там засел.

С того дня и далее Лиза пребывала в состоянии анабиоза. Лежать в кровати и совершать некоторые действия по инерции – всё, что можно было наблюдать со стороны. Пила воду под крана, еду доставала из холодильника, чтобы машинально сделать пару кусочков. Лиза ела, пила и лежала, глядя в пустоту. Иногда она принимала душ, но скорее от желания согреться под струей горячей воды.

Так прошли две недели добровольного траура. Академический отпуск давал ей волю на бесцельное существование в самовольно вознесённой клетке.

Подруга звонила каждый день, но Лиза неизменно отвечала, что всё в порядке и не стоит за неё переживать. Лизе не хотелось видеть даже верную товарку, так как не видела в ней ту, что способна вывести её из затяжной хандры.

Мать с отцом, будучи далеко, не особо рвались звонить. Даже позвонив единственный раз за время траура, они не удосужились вникнуть в душевное состояние дочери. Узнав, что какой-то там Симон умер, они сухо посочувствовали. Они никогда его не видели, так что стоит ли их винить в отсутствии ожидаемого сопереживания. Лиза оставалась одна со своими муками, даже невольно получала от этого облегчение. Не хватало ещё слышать слова сочувствия гораздо чаще, чем сейчас. От них делалось только хуже.

Всё это время погода соответствовала настроению Лизы. Тот единственный солнечный день в день похорон сменился затяжным циклоном. Серо, ветрено и влажно – небо словно оплакивало потерю Симона в унисон Лизе. Полоска внешнего мира сквозь плотные гардины, которые неизменно оставались не до конца задёрнутыми, молча присоединялась к горю.

И то утро не стало исключением, когда Лиза открыла глаза после беспокойного сна, который продолжал череду предыдущих кошмаров, преследующих её после похорон. В комнате, как всегда, царила полутьма. Стрелки на настенных часах пробили десять, что было довольно рано. Девушка вставала в лучшем случае в обеденное время, вволю погрузившаяся в забытие.

Холодильник зиял девственной пустотой, зато мусорная корзина и умывальник тонули в мусоре. Испорченные объедки источали зловонный аромат, из-за чего Лиза зажала нос. Даже настёжь открытое окно не спасало положение, хотя ветер был чересчур свежий. Она задрожала как осиновый листочек. Выпив стакан воды, она вернулась к себе в кровать, где свежестью альпийских лугов тоже не веяло.

Лиза взяла садившийся мобильный и обомлела: наступил тот самый заветный день лотереи. Из-за переживаемых душевных страданий она не сразу вспомнила об этом, но запись в календаре восполнил возникший пробел. То, чего так хотелось, сейчас мало имело значение. В голове звучали слова, сказанные им, вытесняя её желание. Нельзя утверждать, что она полезла в лотерею в припадке секундного каприза. Нет, она пошла на преступление, выбросила немалую сумму, не пощадила Симона. Каждый пункт так и кричал о серьёзных намерениях. Это сейчас Лиза поддавалась своим чувствам.

Девушка присела на краю кровати, и опустила голову на ладони: она пыталась выудить из памяти местонахождение билета. С подачи заявки прошёл целый месяц и две недели, ознаменовавшиеся трагическим концом.

– Так, я сунула его куда-то в папку, когда приезжала сюда перед визитом к... Где же она?

Лиза прошагала в гостиную, в которой вещи валялись в хаотичном порядке. Было не до уборки, так что неудивительно, что по всей квартире главенствовал бардак. Перебирая каждую вещь, она с удивлением думала, зачем ей столько барахла, которое сейчас служило досадной помехой.

Потребовалось около часа, чтобы найти забытый кусочек картона с номером. Лиза держала его в руках, и почему-то испытывала нарастающее желание разорвать его в клочья. Ведь Симон противился её идее с самого начала, соизволив лишь в последние часы в здравом уме дать ей добро. А может это было неосознанно? И всё же она не могла поддастся минутному наваждению. В конце концов, почему именно ей должно повезти, если помимо неё участвует ещё миллионы людей? Попытка не пытка.

«Не прощу себе, если упущу единственный шанс вновь обрести его из-за глупого порыва» – решила Лиза, бережно положив билет в сумку. Возможность стать победителем – довольно мизерная, так что ей стало легче от мантры. А значит она не предаст память. Нет, Симон, вздыхай с облегчением.

– Барабанная дробь! – вещал светловолосый мужчина с экрана, сохраняя на лице блаженную белоснежную улыбку. Возле него стояла шаблонная своей внешностью помощница, чья задача полагалась в том, чтобы нажать на кнопку случайного выбора среди бесчисленного количества имён участников. Да, поди, у экрана сидит чуть ли не каждый участник, мысленно привлекая удачу на свою сторону. Только одна флегматично наблюдала за действиями парочки, несколько отрешившись от духа азарта.

Лиза решила, что посидит в ближайшем кафе среди таких же надеющихся на победу. В зале висел монитор на всю стену, что иногда создавало жуткое впечатление, особенно на крупных планах, показывавших разного рода достоинства вроде колючих глаз ведущего. Поэтому Лиза едва могла оттряхиваться от того, чтобы не рассматривать поры на ведущем, чей возраст перевалил за пятьдесят.

Вопреки своим убеждениям в равнодушии к результатам лотереи, руки девушки тряслись, с трудом удерживающие маленькую чашку кофе без сахара – то было аскетичное подобие завтрака. Хотя вещи на Лизе так и норовили сползти вниз. Аппетит так и не спешил подавать признаки жизни.

– Побеждает в этой ежегодной международной лотерее, – сердце стучало с безумной скоростью, а голова кружилась от предвкушения либо выигрыша, либо проигрыша, – прошу внимательно смотреть на номер на своих билетах! Побеждает обладатель билета под номером 5542560874!

Номер победоносного билета в её руках раздавался в ушах эхом, но сознание отказывалось верить этому. Так слишком невероятно, чтобы быть правдой. «Они, наверное, оговорились или ошиблись!». Но когда ведущий стал диктовать номер во второй раз... Лиза снова впиалась жадным взором в свой билет, боясь, что ослышалась. Нет, каждая цифра совпадала. Такая удача наверное должна приносить за собой редкий шанс получить кирпич на голову во время неспешной прогулкой. Слух Лизы перестал воспринимать слова ведущего: она погрузилась в попытки понять свои ощущения. Их чересчур много, чтобы так просто взять и понять, радость ли тебя переполняет или страх?

– Просим явиться счастливца в пункт приёма заявок в течение недели, иначе будет проведён повторный розыгрыш... – вещал ведущий, сохраняя всё то же приторное выражение лица.

По залу пронёсся галдёж: все мотали головой в поисках возможного победителя. Затем кто-то, кто стоял рядом с Лизой, заметил её дрожащие руки с клочком бумаги.

– Кажется, я нашёл победителя среди нас! – раздался мужской голос над ухом ошарашенной Лизы. Она и его не замечала, уставившись, как сомнамбула, на номер. «Это шутка, нет! Симон, я не знаю...» – в таком русле ворошились мысли. К ней подбежали другие посетители, явно огорчённые исходом лотереи, ведь кому-то действительно нужен был выигрыш.

– Ты смотри, как она радуется! Ещё бы, мне так не подфартило!

И Лизу стали дёргать, как тряпичную игрушку, спрашивая, уж не она ли точно тот самый победитель.

Она, не ожидав такого внимания к своей персоне, кое-как встала среди собравшей вокруг неё толпы.

– Нет, я просто сижу здесь... – и она на автомате сунула билет во внутренний карман жакета. Ей пришлось приложить немало сил, чтобы протолкнуться к выходу. Ей не верили, но проверять слова не стали. Ведь каждый надеялся, что она проигнорирует лотерею, и они обретут ещё один шанс.

Глава 10

Однако Лиза не передумала и дала знать о себе в тот же день. Теперь она сидела у себя в неприбранной спальне и заполняла анкету, только что присланную из Центра по клонированию. Прошло всего два дня с оглашения победителя, но у неё было достаточно времени, чтобы вернуться в действительность и находить плюсы от сложившейся ситуации. Возлюбленный никогда не вернётся, а ей надо жить дальше.

С утра здесь ничего не изменилось, кроме самой хозяйки: она уже не рыдала, а глаза снова обрели проблески огня жизни. Заполняемая бумага, точнее, их было много как для анкеты, требовала от неё указать желаемые и точные параметры, ведь никто не станет переделывать живой организм или создавать ещё одного клона. То, что она отметит или напишет – подлежит окончательному исполнению.

Пунктов в анкете было множество: около двух сотен. На первый взгляд, такое количество вызывало недоумение и желание кое-как отметиться. Но по ходу изучения начинаешь понимать, что здесь применяется серьёзный подход. Многое касалось не столь важных вещей, но так казалось только на первый взгляд.

Лиза перешла в гостиную и села за стол, на котором уже стоял дымящийся кофе со сливками и сандвич. Положив рядом бумаги, она стала не спеша водить глазами по строчкам. Ещё ей следовало заполнить электронную копию и отослать по электронной почте. Да, работы намечается непочатый край.

Уже на самом первом пункте «возраст» Лиза задумалась. Она встретила его, когда ему было 29 лет. По современным меркам его нельзя было отнести к зрелым мужчинам, как и к юным. Однако среди своего поколения Симон невыгодно выделялся: когда они ходили с гладкой кожей, резкими чертами лица, с естественным цветом волос и спортивными телами, ему приходилось щеголять с начинавшейся сединой и первыми морщинами возле рта и глаз – признаки того, что он довольно часто улыбался во все 32 зуба.

– Неприятно смотреть на людей, которые идут против природы любыми способами. К тому же, я совершенно не переживаю из-за внешних изменений. Это всего лишь наружная оболочка. Главное, что внутри.

«Если бы только внешних», – с горечью добавила Лиза, обдумывая, что написать в важном пункте. Хотя не важных здесь и не было, в чём ей пришлось убедиться потом.

Затем он предстал перед её глазами в более молодом возрасте. Полгода назад, находясь в квартире Симона после трудного дня в Академии, Лиза заметила редкий в наше время бумажный толстый альбом на полке шкафа. Он лежал рядом с проигрывателем, и она предположила, что ранее Симон рассматривал его, а затем положил не туда, где он лежал скрытым от посторонних глаз.

Пока Симон разрезал лазанью – блюдо, которое ему удавалось на отлично, она бесшумно прошагала по гостиной к шкафу. Взяв в руки неожиданную находку, она едва не уронила из-за осязательного веса. «Держать теоретическое орудие убийства – не самое разумное решение, Симон!» – отметила про себя Лиза, возвращаясь к дивану.

Когда она листала находку без его ведома, то едва сдерживалась от нахлынувших чувств. Он ей и так безумно нравился, но от старых фотографий окончательно захватило дух. Под каждым фото стояла дата, написанная от руки синей шариковой ручкой, и Лизе не стоило больших умственных усилий догадаться, сколько ему было тут или там. Сильнее всего привлекло внимание фото, где ему был 21 год. Парень, которому ещё предстояло разочароваться в жизни, но на фото он широко улыбался, обнимая других парней. Судя по настроению снимков, дело происходило на вечеринке. Бутылки, веселящиеся девушки, полутемнота... Так сложно пове-

ритель, что беззаботный парень на фото и мужчина, любящий колдовать на кухне – один и тот же человек.

– Что ты там высматриваешь? – услышала она за спиной его голос; помимо этого по комнате распространялся дразнящий аппетит аромат. Лиза тут же захлопнула альбом, стыдясь того, что взяла его без спроса. Правда, он не выражал возмущения, только обескураженность, стоя с двумя тарелками.

– Да так, увидела на полке и... Прости. – Смущённо ответила Лиза и добавила, надеясь сгладить положение. – Пахнет очень вкусно.

– За что ты просишь прощения? И спасибо, правда, я ещё не пробовал. Так что, может быть, запах не оправдает надежд. – Симон сел рядом с ней, поставив тарелки на стол и затем бережно забирая из её рук альбом.

– Ну, я взяла, не спросив твоего разрешения. – Лиза чувствовала себя беспросветной дурочкой, заливаясь краской.

Симон раскрыл альбом на середине. Отсюда на него глядел он сам, его руки держали ребёнка не более двух-трёх лет. Лиза не успела дойти до этого фото, и теперь она впервые видела этого малыша. С одной стороны, она находила зрелище милым, а с другой – неприятный укол где-то внутри от догадки, кем мог приходиться ребёнок Симону.

– Ерунда, у меня нет от тебя никаких секретов.

То, как Симон смотрел на малыша, подтвердило предположение, превратившееся в червоточинку. Замечая фотографии из прошлого со семьёй, Лиза стала ревновать вопреки своим убеждениям, что было – того не воротить, и переживать совершенно не о чём. Ей не хватило слов, и она сидела и молча вместе с ним рассматривала снимки. Наконец Симон снова прервал молчание, не допустив мысли, что только что мучил рядом сидящего человека.

– Ты, наверное, считаешь меня старомодным?

Лиза пожала плечами и потянулась за тарелкой.

Давай есть, уж больно я проголодалась.

Вот из таких дней творятся воспоминания. Лизе сейчас стало смешно, что она могла ревновать Симона к сыну. Благо, ей хватило ума не показывать свои эмоции.

Другие пункты относительно пожеланий поражали Лизу: они касались пищевых предпочтений, жизненных интересов, способности к деторождению. Последнее особенно заставила её задуматься. Хотела ли она детей? Она не могла себе ответить. Они с Симоном даже не обсуждали эту тему.

Между «да» и «нет» был выбран второй вариант. К пункту было приписано, что в случае отрицательного ответа будет проведена вазэктомия. Если что, то потом будет возможность исправить.

Вредные привычки, наличие пирсинга или татуировок и т. д. Лиза над многим особо не размышляла. Вопреки тому, что у умершего было проколото одно ухо и имелось дурацкое тату на щиколотке, она решила, что клону они ни к чему. Чем дальше, тем тем меньше предполагаемый клон перенимал черты оригинала.

Закончив к концу второго часа с анкетами, Лиза сразу же отослала электронную версию. Теперь пора и в сам Центр наведаться, чтобы обсудить важные детали клонирования.

Путь пролегал на всё своей же машине. И вот войдя в ничем не выделяющее высокое здание с фонтанчиком возле входа, она осознала, что едва стоит на ногах. Виной тому истощение или волнение? Как бы там не было, но она поднялась вверх в сопровождении администратора. Сопровождающая, пожалуй, была единственная, кто мог позволить не носить безликий халат. Такой контраст особенно бросался на этаже, где проводился приём посетителей. Она проводила Лизу до нужной двери, где сидел рыжеволосый мужчина с круглым лицом. Его глубоко посаженные глаза оценивали победительницу. Лиза смутилась, приседая на единственный стул в кабинете по молчаливому приглашению рукой. Более аскетичной обстановки сложно при-

думать: белые стены, большое окно с жалюзи, стол со свободной столешницей, не считая таблички с именем доктора и его должности «Доктор Ларс Доффусберг. Генный инженер», одна картина над головой доктора. На ней были нарисованы два щенка породы золотистый ретривер, играющие между собой в плетённой корзине. Лизе нравилось подобное творчество, и поэтому постоянно бросала взгляды на прелестных собачек.

Когда администратор покинула кабинет, мужчина кашлянул в кулак. Лиза полезла в сумку, из которой достала заполненную анкету. Положив её перед доктором, она начал без обиняков:

– Когда я могу ожидать клона?

– Зависит от него. Лично нам для сотворения понадобится около трёх месяцев. Да, это не слишком быстро, но и время быстро пролетит. А затем мы обучим его тому, без чего любой человек вряд ли может считаться готовым к жизни в обществе. То есть нам потребуется около полугода.

Лиза как услышала, когда она его получит, тут же поникла. Почему счёт идёт на месяцы? Прежний Симон «сгорел» за меньшее количество времени, чем сколько потребуется для создания клона. Она нашла это ироничным. У неё отняли все, что принадлежало Симону. Даже не дали взять одну из его вещей: несколько пластинок и картин не считались. Его квартира была выставлена на продажу, деньги с продажи которой пошли на бывшую жену, точнее на сына. Лиза не имела ничего против малыша, но её поразило, что так просто стирают с земли имущество, принадлежавшее умершему. Возможно она выкупила бы его, когда придёт ежемесячная сумма из бабушкиного наследства. То, что у неё лежало на банковском счёту годами и в избытке – пошло на клонирование. Теперь не водилось денег даже на мелкие покупки.

– Так долго... – жалобно пробормотала она, не глядя на доктора.

– Сами понимаете, человеческая жизнь творится не сразу. Даже беременность длится девять месяцев, так что вам даже больше повезло. Так, я вижу, что нужен парень на третьем десятке. Ну вот, даже нянчиться меньше придётся.

Лиза нашла доктора несколько бестактным, но виду не подала. Главное, пусть делают свою работу, а она потом получит то, чего желает. Тот подумал немного и прибавил:

– Мы могли бы сразу же отдать клона, но у нас связаны руки.

Лиза кивнула, давая знать, что ей отдалённо известно о давлении противников данного рода дел. Это было прописано на самой первой странице с условиями, которые победитель либо принимает, либо отказывается.

– В таком случае, до встречи через полгода. – Лиза встала и подала рыжеволосому руку. Тот тоже привстал и скрепил прощание крепким рукопожатием.

На выходе из Центра Лиза подошла к своему автомобилю в окружении таких же брошенных на время собратьев. Но сев в него, она тут же выскочила наружу. Нет, зачем возвращаться домой? Она наклонилась и что-то понажимала на панели. Дверь закрывается, и машина, получившая маршрут, стала неспешно выезжать из шеренги. Лиза наблюдала за самоуправляемой «лошадкой», пока та не скрылась за углом парка.

Собственно, у Лизы не было никакого чёткого плана. Да и не садиться в машину – вполне себе импульсивное решение, не имевшее под собой веского основания. Одно она знала наверняка: сидеть дома совершенно надоело. Вот прямо тошнит от одной только мысли об этом. Так что она проделает небольшую прогулку, ведь давно оно не происходило. Чтобы так бродить где-то, безо всякой цели.

Час, два часа бесцельной прогулки по центру, и она уже стояла у места, которое по идее должно было бы взбудораживать. Удивительно: впадая в траур и считая, что всё связанное с Симоном, будет неизменно вызывать у неё невыносимую душевную боль, и теперь она спокойно смотрит на дверь картинной галереи.

По так казалось только на первый взгляд. Глаза увлажнились, а рот сжался в ниточку, чтобы не закричать. Лиза прикрыла нижнюю половину лица ладонью. Кое-как собравшись, она подавила в себе рвущее наружу желание горевать. Только мысль о будущем клоне помогла преодолеть минутную слабость. Симон бы опечалился, узнай, что по нему так убиваются. Да он бы целый день читал нотации, что живые должны жить, невзирая на неизбежную потерю близких.

Что касается самой галереи, то Лизе ничего не было толком известно, так как должен был возвратиться главный владелец, а его след простыл до трагического события. По имевшейся информации следовало, что он находится в просторах космоса, занимаясь приобретённой гостиницей. Елена получила, что ей причиталось по наследству, и вероятно, она могла находиться внутри. Лиза боролась в себе с желанием войти внутрь, опасаясь, что её попрут, как неудобную.

Не в силах пройти мимо, она решилась войти и оценить возможные перемены, ведь новый совладелец мог приступить к бурной деятельности и наворотить делов. Но безутешная девушка переценила рвение бывшей жены Симона: практически ничего не подверглось изменениям. Если, конечно, не брать во внимание, что Лиза так старательно развешивала – не присутствовало в зале. Половина была продана ещё при жизни Симона. А за судьбу другой можно было только предполагать; Лиза поручила продажу остатков на другим рукам, предпочитая провести время с умирающим. И об этом она нисколько не жалела.

Ничего из представленного её не интересовало. Все такая же безвкусная мазня, что и во время её самого первого визита. Лиза прохаживалась и думала о том, насколько переменялась её жизнь с того самого времени. А что служило причиной – она не могла вспомнить. Желание похвастаться своим критическим мнением перед посетителями? От скуки? Или от того и другого. Как бы там не было, но её жизнь круто переменялась. А потом ещё раз, чего никто не пожелал бы и злейшему врагу.

Вскоре она заметила среди редкой толпы девушку с приколотым к лёгкой красной блузке бейджином.

– Добрый день, могу я задать вам один вопрос?

Та улыбнулась, кивнув.

– Конечно. Это моя работа.

– А где картины Пинелли? Когда я была здесь в последний раз, здесь висело около полдюжины.

«Только позавчера продали последнюю», – било молоточком в голове Лизы, когда она уже пять минут прохаживалась по шумному проспекту. Только сейчас её осенила смутная догадка: автор тех картин никогда не показывался, коллекция не пополнялась и находилась там, где ей было не место. С чего бы Симону выставлять любительские творения, даже если и был обязан неизвестному автору? А если и обязан, то почему сложил все в своём рабочем кабинете. Мольберт... Он там стоял не просто так... Теперь Лиза уверилась в том, что Артур Пинелли не кто иной, как Симон. Только надвигающаяся смерть заставила его открыться миру, хоть и под личиной выдуманного человека. Чего он так страшился сказать правду? Запоздалая обида за секреты накрыла Лизу. Уж она бы точно не стала бы врать тому, кого сильно любила. Иначе какая это любовь, если тебе не хочется поделиться всем, что имеешь?

К концу третьему квартала от галереи, она поостыла, придя к логичному выводу. Они познакомились на почве разногласий, связанных с живописью. В глазах Симона Лиза зарекомендовала себя, как жёсткого критика, не скупившего на едкие замечания без права на оправдание. И ему было слишком страшно признаться в своём хобби, ведь критику от любимого человека воспринимать куда тяжелее, чем от случайного прохожего. То, что Лиза не осмелится насмехаться над творениями онкобольного – он не допускал. Щеки с веснушками запылали:

какого же отвратительного мнения о ней был Симон. Даже после её дифирамб, хоть и шепоткой разумной критики, он не раскрыл свою потайную личность любителя-художника.

А теперь ни одной картины у неё не осталось. Они стирались из памяти, и теперь она с трудом вспоминала нарисованное. Как ей хотелось получить хоть что-то ещё из-под руки Симона, что можно было бы повесить на стену в спальне. Смотреть на его работу долгими вечерами целых полгода. Что ж, сегодняшний день заканчивался. Так и время пролетит незаметно. Теперь долгое ожидание придавало смысл жизни, которого Лиза, казалось бы, безвозвратно утратила.

Часть 2

Глава 1

– Привет, Симон. – Прошептала преисполненная предвкушения Лиза, прислонившись к стеклу, которое служило перегородкой между коридором, где стояла она, и комнатой, где на односпальной кровати сидел мужчина двадцати лет. Светлокаштановые волнистые волосы до плеч, широко распахнутые под густыми бровями глаза цвета голубой стали, длинный аккуратный нос, пухловатые губы, квадратный подбородок, высокие скулы. Атлетичное телосложение, длинные ноги и белые трусы. Да, на нём ничего не было кроме нижнего белья. Поэтому Лиза видела в нём не копию умершего Симона, а высокооплачиваемую модель, достойную миллионного гонорара. Ей сложно было поверить в то, что он принадлежит ей целиком и полностью. Никто не сможет предъявить на него права, даже бывшая жена оригинала. В восторженные мысли ворвались дурные пережитые моменты с бывшей Симона. Она уже имела честь обладать Симоном, чтобы нанести ему удар в спину.

Затем Лиза уже рисовала в своём бурном воображении, как заберёт копию Симона в далёкие райские края и будет наслаждаться неизбежными мгновениями счастья с ним... Ожидание затянулось на семь месяцев, но оно того стоило.

– Вы должно быть в курсе, что клоны рождаются абсолютно девственными...

– Да-да! – поспешила заверить Лиза начавшего было портить малину доктора. Тот был знаком ей с прошлого визита, и она им несколько не интересовалась. Что он подразумевал под «абсолютно девственными» не особо занимало её ум. Настолько её увлекла сама мысль о том, что сей красавчик принадлежит исключительно ей.

– Тогда пройдёмтесь со мной, чтобы подписать бумаги и можете распоряжаться с ним как вам будет угодно. В рамках допустимого, конечно.

Лиза не обратила внимание, как всегда, на бестактное замечание, так как выше её сил было оторваться от разглядывания нового Симона. Словно мертвец вернулся на грешную землю, чтобы утишить боль той, которая не могла представить свою жизнь без него.

Когда «Симон» повернул своё лицо к Лизе (со своей стороны он видел только белую стену), в его глазах не было ровным счётом ничего. Но девушку это мало волновало, так как её переполняла радость и предвкушение беззаботной жизни с ним. Ей не хотелось покидать свой пост наблюдателя, но всё же последовала за учёным. Она с трудом сдерживалась, чтобы не начать пританцовывать на ходу, но уж улыбка никак не стиралась с лица. Как давно её не было? Год? Прошло достаточно времени, чтобы заболели скулы.

Доктор, в свою очередь, не стал торопиться, когда пригласил Лизу в свой просторный кабинет. Руки исчезли в ящиках стола. Он долго копался в истории создания клона, о его состоянии и прочем. Изредка он бросал свой взгляд украдкой на улыбающуюся Лизу, в душе жалея бедную дурочку.

Доктору приходилось не раз сталкиваться с тем, как разочаровываются те, кто выигрывал в лотерею. А таких было больше половины за всё существование лотереи. Вначале ими двигали надежда и оптимизм в то, что за внешней оболочкой получают того же самого человека. Но потом они приходили и ругались, мол, зачем было создавать клона безо внутреннего содержания. Стоит ли говорить, что практически никто не воспринимал всерьёз слова о том, что за новой внешней оболочкой стоит чистая душа? Никому из Центра не становилось приятно от запоздалого прозрения. Даже в документах и условиях лотереи чёрным по белому было расписано, что личность умершего никак не может передаваться двойнику, но толку с того. Так что при виде Лизы он иронично подумал о внедрении ставки: как быстро она вернётся сюда,

проклиная работу Центра. Имевший слух, да не слышал – такова действительность в среде клиентуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.